

**Ученому-химику,
писателю,
воспитателю новой смены
посвящается**

НАШ БУКЕТОВ

НАШ БУКЕТОВ

*Евней Арстанович Букетов
в воспоминаниях современников*

Караганда—1997 г.

СОСТАВИТЕЛЬ: К.А. Букетов
РЕДАКТОР: В.М. Могильницкий

Пояснения написаны К.А. Букетовым

Сборник посвящен памяти выдающегося ученого и писателя, крупного общественного деятеля и организатора науки, образования, просвещения в Казахстане, академика Академии наук республики, доктора технических наук, профессора, лауреата Государственной премии СССР и члена Союза писателей Евнея Арстановича Букетова.

В сборник включены статьи видных государственных деятелей, ученых, преподавателей, журналистов, писателей, его родственников, товарищей и друзей, учеников, современников Е.А. Букетова. В сборнике отражены основные вехи жизни и деятельности знатного ученого и писателя, его огромный вклад в развитие науки, просвещения, культуры и образования республики.

Материалы для сборника собраны в течение десяти лет братом академика Камзабаем Арстановичем Букетовым. Издание рассчитано на самый широкий круг читателей.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Кабинета Министров Республики Казахстан
от 2 декабря 1994 года № 1361
“О подготовке и проведении 70-летия
со дня рождения Е. А. Букетова”

Кабинет Министров Республики Казахстан
ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Поддержать предложения главы Карагандинской областной администрации, Национальной Академии наук, Министерства образования Республики Казахстан и коллектива Карагандинского химико-металлургического института Национальной Академии наук Республики Казахстан о проведении в марте 1995 года 70-летия академика Е. А. Букетова.

2. Образовать юбилейную комиссию по подготовке и проведению 70-летия со дня рождения Е. А. Букетова в следующем составе:

Есимов А. С. (председатель), Нефедов П. П. (заместитель председателя), Гартман В. К. (заместитель председателя), Абдиков Т., Ашляев С. С., Бекетов Л. К., Букетов К. А., Мамашев Т. А., Мамбетказиев Е. А., Мулдахметов З. М., Павлов А. С., Сагадиев К. А., Сарсенбаев А., Симамбаев Т. К.

3. Главам Карагандинской, Северо-Казахстанской областных администраций совместно с Национальной Академией наук Республики Казахстан провести юбилейные мероприятия с участием деятелей науки, культуры и научно-теоретические конференции.

4. Главе Карагандинской областной администрации установить мемориальную доску на доме по ул. Ленина, 56 в г. Караганде, где жил Е. А. Букетов, присвоить его имя школе и улице.

5. Министерству печати и массовой информации Республики Казахстан выпустить книгу Е. А. Букетова за счет средств, выделяемых на издание социально важной литературы.

СЫН МАЛЕНЬКОГО АУЛА

Когда я вспоминаю свою довоенную школу в Марьевке, то как-то незримо встают перед глазами наши добрые и талантливые учителя, а также мои сверстники по классу. И никогда не соглашусь с утверждением некоторых современных молодых людей, которые считают, что в те годы нас учили и воспитывали как-нибудь. Учили нас великолепные педагоги, а самые лучшие черты, привитые ими ученикам, проявились в воспитанниках в годы войны. Это стойкость и мужество, патриотизм. А после войны многие выпускники тех лет стали видными людьми - руководителями, толковыми специалистами, педагогами и учеными.

Среди них и сын маленького аула Баганаты - Евней Букетов. Мы звали его Женей.

Он шел по школе на два класса ниже моего выпуска, но по своему умственному развитию превосходил некоторых старшеклассников. Был любознателен, много читал. Помнятся его прямолинейные и смелые выступления на комсомольских собраниях. Тогда в районе была единственная средняя школа в Марьевке. Ребята других сел, кончая семилетку, доучивались в Марьевской средней. Многие из них были переростки. Они жили на частных квартирах и считали себя взрослыми, проявляли леность в учебе. О таких ребятах и рассказал на одном из комсомольских собраний Евней. И тогда обидчики подкараулили его вечером и хотели запугать его. Но на ближайшем собрании Евней поднялся и смело рассказал все об этом инциденте. Четверо против одного. Пристыженные, они сидели молча и больше не пытались грозить Евнею, который был и меньше ростом, и младше их годами.

Учился Евней успешно. Великолепно знал русский язык и литературу, математику и физику. Был остроумен и находчив. В то время не хватало учителей, и более способные ученики были на "учете". Их посылали работать в начальные и семилетние школы. Так, после 9-го класса Евней уже учительствовал. Это были первые дни войны. По заданию редакции районной газеты мне пришлось быть в Соколовке (колхоз "Красное знамя"). В этой школе работали моя одноклассница Шура Нестерова и Евней Букетов. Они вели первые уроки. Узнав о моем приезде, первым пришел

к Шуре Евней, а затем другие учительницы. Это были трудные дни первой военной осени, когда хлеб убирали солдаты, старики и дети. Нелегко было и учителям. Но Евней не унывал. Он с юмором рассказывал о некоторых ситуациях на уроках, которые возникали у него по неопытности. А я-то знала: несмотря на свою молодость, Евней пользовался уважением в школе, на селе. Он часто подменял заболевших преподавателей, а в ночную смену работал на току, показывая пример сельской молодежи.

Через год, с помощью моей старшей сестры Анны, которая после Ленинградского института работала завучем школы, Евней экстерном сдавал экзамены на аттестат зрелости. И сдал успешно. Уже после войны он поступил в Алма-Атинский институт и тоже учился отлично.

Помню апрель 1949 года. По вызову ЦК Компартии Казахстана я приехала в Алма-Ату на семинар женщин-секретарей райкомов партии. Война оставила свой тяжелый след. Вдовы и осиротевшие дети. Им нужна была поддержка и забота. Этому учили нас на семинаре. Не знаю, каким образом Евней узнал, что в числе прибывших была и я. Уже на второй день вечером он пришел со своей девушкой, тоже студенткой (вскоре она стала его женой) в гостиницу навестить меня. Это уже был высокий и симпатичный молодой человек, большой оптимист и интересный собеседник, настоящий интеллигент. Многое он рассказал о столице, расспрашивал о делах в районе, о своих знакомых и сверстниках, предлагал показать достопримечательности Алма-Аты, посетить театр. Но распорядок семинара был очень плотен и свободного времени не было.

Бывая на каникулах, Евней всегда навещал знакомых, друзей. И там, где он появлялся, всегда создавался особый микроклимат взаимопонимания и доброго настроения. Дорога его к восхождению в науке была нелегкой. Нужно было помогать и младшим братьям, и доброй, уже немолодой матери, которая с трудом сводила концы с концами, Евней это считал своим долгом. И позже, когда он успешно поднимался по служебной лестнице, был ректором университета, Букетов был прост с людьми, помнил своих сверстников, братьев, не терял с ними связи и готов был прийти на помощь тем, кто нуждался в этом.

Его земляки - люди бывшего Октябрьского, теперь Сергеевского района всегда гордились им и говорили: "Евней

Арстапович стал большим человеком - ученым. Он из наших краев...".

И вот печальная весть. В расцвете творческих сил неожиданно оборвалась жизнь талантливого и замечательного человека, моего сверстника Е. А. Букетова, оставившего добрый след в науке и на своей земле.

Иван БЕЛЕТЧЕНКО

НАЧАЛО ПУТИ

Мне трудно написать словесный портрет Евнея - школьника, потому что прошло почти полвека, многие детали забылись, кое-что не дошло до меня - учился я классом выше.

Наше сближение произошло летом 1939 года. Группу отличников учебы премировали путевками туристического похода по Алтаю. В нее вошли ученики 9-10-х классов - школьные активисты. Евней был единственным "младшим" школьником, он перешел в 8-й класс и путевки удостоился за особые успехи в учебе. Уже тогда стали проявляться его выдающиеся способности в точных науках и литературе.

В этом путешествии преобладали любознательные, но Евней чаще других обращал на себя внимание окружающих разносторонними вопросами по истории и природоведению. А ведь он был самым молодым по возрасту. Не все ответы удовлетворяли его любопытство. Наш руководитель, из учителей, Ф. Е. Косаткин в то время не имел еще законченного среднего образования. Но все мы держались друг друга, в группе царили взаимопонимание, сердечная привязанность.

Туристический лагерь был разбит на реке Катунь. В жаркий день все мы стремились ближе к воде. Течение в реке быстрое, изредка несло спиленные деревья. Они-то и стали нашей приманкой. Большое удовольствие доставляло прокатиться верхом на бревне по шумной реке. Однажды наш взор привлекла проплывавшая недалеко от берега сосна с ветвями и корнями. Оседлали мы эту лесину и не заметили, как понесло ее к водопаду. Это увидели взрослые на берегу. Они начали кричать, махать руками, Евней первым бросился в воду, увлекая за собой остальных ребят. Трагедии не произошло. Но охотиться за бревнами мы

перестали. Это маленькое приключение еще больше сплотило и сдружило нас.

Евней был очень начитанным, он стремился знать больше других и сверх школьной программы. Из-за этого у него порой возникали конфликты с учителями. Ведь некоторые из них слабо владели своим предметом, а иногда не отличались и педагогическим тактом. Вот и приходилось не раз "прорабатывать" умного школьника на учкоме или комсомольском комитете.

Отчетливо помню, как наш преподаватель литературы называл Евнея лучшим учеником. Букетов всегда был участником школьных литературных вечеров, на которых читал наизусть поэмы В. Маяковского "Владимир Ильич Ленин" и "Хорошо!" Поэзию он любил страстно, горячо, увлекался прозой Льва Толстого. Сам любил сочинять. Ни одна стенгазета в школе не выходила без его заметки, рассказов. Мы их высоко ценили, называли "складными".

Любил Евней и так называемую научную, техническую литературу, книги по естествознанию, химии. За их чтением он нередко забывал про домашние задания, но его выручала хорошая память.

Неизменный интерес у него вызывали новые школьные дисциплины. После первого урока он за несколько дней прочитывал учебник и, когда учитель на уроке объяснял какой-то материал, он его уже знал.

Отличали Евнея и дружелюбие, товарищеская верность. До конца своих дней поддерживал он связи со школьными товарищами, живо интересовался их делами. Судьба распорядилась так, что после окончания школы мы учились, работали и жили далеко друг от друга. Встречи были редкими, но очень теплыми и душевными. До глубины души меня взволновала и обрадовала его поздравительная телеграмма, которую я получил на второй день после защиты своей кандидатской диссертации в Ленинградском университете. В эти годы я с ним не встречался и никак не думал, что он живо интересовался моей научной работой историка, далекой от его металлургической химии.

Евнею Арстановичу был чужд национальный эгоизм. Среди школьных товарищей преобладали русские. Но у нас никогда даже не возникало мысли делить друзей по национальному признаку. Никакого националистического налета. Таким был и остался в нашей памяти наш дорогой товарищ.

Как-то оказались мы вместе на семинаре вузовских работников в Алма-Ате. Он познакомил меня со своими товарищами из Союза писателей и Академии наук Казахской ССР. Это были незабываемые, очень интересные встречи и беседы. На одной из таких встреч у поэта Сырбая Мауленова я оказался один, не владеющий казахским языком. Беседы были настолько интересными, а атмосфера настолько теплой, что лишь позже до меня дошло, что и хозяева, и гости говорили только на русском языке, а если говорить по существу, то объяснялись на языке дружбы.

О Евнее Арстановиче как ученом, писателе писали и еще напишут его коллеги по перу и науке. Я же самую малость рассказал о нем и о том времени, когда начинали развиваться творческие способности и задатки Е. А. Букетова.

Василий КУЗНЕЦОВ

ЧТО НАПИСАНО, БЕССМЕРТНО

Мне довелось встречаться с Евнеем Арстановичем во времена нашей юности в Марьевской школе. Это не была тесная дружба (я был старше его на 3 года), но знать-то мы знали друг друга. И помню несколько необычную встречу на заседании ученического комитета. Мы внушали ему простую, всем известную истину - на уроках надо сидеть спокойно, не мешать другим. Он сидел на уроке беспокойно. И мы тогда уже поняли, каких трудов стоит этому способнейшему подростку высидеть 45 минут на уроках бездарного учителя.

Но зато на занятиях у таких учителей, как Иван Антонович Трофимов, Женя Букетов был предельно внимателен. Больше того - Иван Антонович имел обыкновение давать на дом задания воспроизвести все то, что было им сказано на уроке. И Букетов (цитирую из книги "Шесть писем другу"), "самозабвенно предавался этому делу, стараясь перенести на бумагу все то, что излагал этот крепко сбитый... русский человек".

Таков, очевидно, закон сильного интеллекта: он дает о себе знать рано, он беспокоит своего владельца, прося возможности проявиться. Благо, что в Марьевской школе были толковые учителя, о которых, кстати, с благодарностью пишет их ученик Букетов в своей книге. И счастлив этот талантливый человек, потому что родился в эпоху

Советской власти, которая сразу ввела всеобщее образование, а позже помогла юношам и девушкам казахской национальности оканчивать ВУЗы, вводя для них льготные условия приема.

...Следующая встреча с Евнеем Арстановичем состоялась случайно: между нами завязалась переписка. Он первый и единственный из ученого мира, к кому я обратился за помощью и советом перед формированием экспозиции в районном музее, кто не счел зазорным опуститься с высот большой науки до уровня провинциального музея. Прежде всего он извинился, что задержался с ответом на мое письмо, и далее пишет: "Край наш интересен, много было очень интересных, может быть, недостаточно оцененных людей и дел". Советует: "...первое, не хватайся за все, а имей конкретную тему, например, школа и учителя... Если начнешь заниматься, то окажется столько материала, что начнешь думать, как им овладеть, как преподнести читателю стройно, последовательно и увлекательно разрозненное и многообразное... Это не будет легко. Поэтому выбери по силам тему - это главное".

Желает успехов и настаивает: "Обращайся ко мне запросто, мы заслужили это совместной учебой в средней школе, совместным детством, когда никак не думали о рангах, отличиях и прочих вещах, способных разделить близких, по обывательски мыслящих людей. Мы с тобой, Вася, не обыватели и не поддадимся искушению обращать внимание на наши теперешние ранги".

Я привел столь длинную цитату из его письма, чтобы "разоблачить" у Евнея Арстановича неразрывную связь с его малой Родиной и его глубокий демократизм мышления. Это было в июне 1976 года.

...Продолжая работать над краеведческим материалом, по сбору его, я поддался искушению напечататься в "Просторе". Ответ редакции журнала был тактичен, но со знаком минус. Это меня весьма и весьма огорчило.

И вот что Евней Арстанович пишет мне во втором письме в апреле 1980 года: "Скажу прямо - написанное, в каком бы то виде ни было (напечатанное или не напечатанное) - бессмертно, оно всегда найдет дорогу к ценителю. Смертен человек в его неповторимой индивидуальности, но лучшие, достойные подражанию черты современника, нашедшие место в сердцах людей, знавших его, постепенно и невольно блекнут, теряют со временем первоизданную привлекатель-

ность и свежесть. Да и сами люди уходят, унося с собой дорогие образы некогда живых и волнующих картин...

Все это я говорю к тому, что ты затеял большое и нужное дело"...

Для меня письмо Е. А. Букетова стало хорошей поддержкой. К сожалению, это было последнее письмо.

Иван ТРОФИМОВ

ЕГО КНИГИ ПРОДОЛЖАЮТ СРАЖАТЬСЯ

В Марьевскую школу я прибыл после окончания Щучинского педтехникума. Школа была районного значения, параллельных классов не было. Казахской части учащихся в то время было мало, особенно в старших классах. Поэтому я очень хорошо помню Евнея (Женю) Букетова: небольшого роста, щупленький и с бритой головой, очень скромный.

Однако следует сказать, что он был очень любопытен, с большим желанием малыш проявлял интерес к химии, математике и другим предметам. Он очень много занимался изучением русского языка. Активно принимал участие в школьных олимпиадах, его работа по химии была представлена на районную педагогическую выставку.

Его часто можно было видеть в нашей школьной, хотя и небольшой библиотеке за работой. Часто беседовал с Агрипиной Федоровной Коробкиной, которая вела русский язык и литературу. Она очень ценила интерес Евнея к русской литературе.

Сам я учился заочно на историческом факультете в институте и вел в старших классах историю. Евней выделялся хорошими знаниями по этому предмету.

Следует особо подчеркнуть, что Букетов зачастую на педагогических советах отмечался как разносторонний, способный ученик, его отличали прекрасное прилежание и большая усидчивость, любовь к наукам. В общественной работе он был активен, исполнителен, его избирали членом учкома (ученический комитет).

По семейным обстоятельствам он попросился отчислить его из школы после 9-го класса. Нам жаль было отчислять такого трудолюбивого, способного ученика, но пришлось. В это время педагогических кадров в районе не хватало. Я лично пошел к заведующему РОНО Темирбаеву Х. Т., упросил, чтобы Букетова поставили на педагогическую

работу. И он отлично справлялся с работой учителя в начальных классах. Во всяком случае отзывы об этом были только положительные.

Когда Букетов стал известным ученым, то он не забыл отчий край, родную школу, интересовался судьбами своих товарищей, учителей.

Не знаю, где, у кого Букетов узнал мой адрес. Тогда я работал в Кокчетавской области в селе Володарское заведующим РОНО. Расстояние от Алма-Аты было немалое, но он на различном виде транспорта добрался до нас. В 6 часов утра стук в дверь, вышла жена, он спросил: "Здесь ли живет мой директор, учитель Трофимов Иван Антонович?" Она ответила: "Здесь!" Пригласила войти. Когда меня разбудила и я вышел, в передней стоял представительный, рослый, полный, с сединою на висках мужчина.

Встреча была теплой, сердечной, мы крепко обнялись, расцеловались. Беседа у нас была долгой. Поднимались различные вопросы. Расстались мы тепло и договорились поддерживать тесную связь. И слово свое мы сдержали.

Мне запомнилась последняя встреча, когда он работал ректором Карагандинского университета. Евней Арстанович как бы отчитывался передо мной. Весь его путь - от рядового ученого до академика, от застенчивого школьника до человека удивительной внутренней красоты, писателя - был поразительно нагляден. Но уже тогда в его голосе пробивались и нотки печали. В беседе он заметил, что наша наука сейчас топчется на месте, что руководители республики, приближенные Кунаева, больше исходят из корыстных целей, окружают себя подхалимами и проходимцами. Все передовое, честное подавлялось... Неудивительно, что этот человек с большой буквы, который отстаивал светлые идеалы просвещения и науки, оказался жертвой застоя.

Прошли годы. Уже после кончины Евнея Арстановича вышла его книга "Шесть писем другу". В этой книге он с большой любовью и благодарностью написал и обо мне, отмечая мой педагогический дар, глубокие знания истории. "Ученики слушали его внимательно", - написал он.

Милый Евней Арстанович, спасибо тебе за добрые слова, за память сердца. Хотя тебя нет, есть твои умные и светлые книги. И они продолжают сражаться за все лучшее, что есть в обществе, утверждают незримо и благородно это лучшее.

ЭТО БЫЛ ЧЕЛОВЕК ВЫСОЧАЙШЕЙ КУЛЬТУРЫ, ЯСНОГО УМА

Об Евнее Арстановиче Букетове уже написано немало хорошего. Но не все еще понимают, какое большое место занимает он в жизни каждого из нас. Для меня в Букетове - весь Казахстан. Как я не могу представить себе республику без гор Алатау, так не могу подумать, что в ней нет Евнея Арстановича. Он принадлежит к плеяде замечательных людей Казахстана, он достойный сын казахского народа. Образ его запечатлен в моей неизгладимой памяти, и добрую память о нем я всегда буду хранить в своем сердце, ибо от таких людей можно начинать летоисчисление.

Я знал его почти с юных лет, с ним дружил до самой его кончины. Это был на редкость человек высочайшей культуры, кристальной чистоты и честности, трезвого и ясного ума, неповторимый, обаятельный, неизменный друг и боевой товарищ. Это был человек, определяющий целую эпоху.

Что вело его в жизни по трудным дорогам науки и литературы? Стремление к славе, высоким наградам? Нет, любовь к родине, к земле, на которой родился. Музыка его книг сродни казахстанской степи, песни жаворонка, рассветам над горами.

Это был могучий талант, воплотивший в себе культуру народа. Он был оригинален и неподражаем в науке. Он любил жизнь и людей. Он верил в будущее своей страны. Его короткая жизнь является образцом и примером того, как надо служить и бороться за счастье людей.

Иван ХУДЯКОВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

С Евнеем Арстановичем Букетовым я впервые встретился в Казахском политехническом институте, где он тогда работал в должности доцента кафедры металлургии легких и редких металлов. В институт я приехал с профессором Василием Ивановичем Смирновым, который был в то время членом-корреспондентом вновь созданной АН Казахской ССР.

Евней Арстанович подошел к Василию Ивановичу. После традиционного приветствия Смирнов познакомил меня с ним. Я был в то время тоже доцентом. Началась беседа об исследованиях, которыми Букетов в то время занимался. Ему было важно знать мнение Василия Ивановича о его работах, целесообразности их проведения. Научные интересы Евнея Арстановича в то время были сосредоточены в области металлургии редких металлов и в какой-то степени являлись продолжением его кандидатской диссертации. Из беседы, которая продолжалась больше часа, нетрудно было сделать вывод об интересном научном направлении выполняемых работ и возможности их практической реализации прежде всего на предприятиях цветной металлургии Казахстана, в частности, на гиганте медной промышленности - Балхашском горно-металлургическом комбинате.

Следует отметить, что Евней Арстанович с большим уважением относился к Василию Ивановичу. Возглавив Химико-металлургический институт в Караганде, он часто приглашал Смирнова посетить этот институт на предмет ознакомления с тематикой научно-исследовательских работ, консультации аспирантов и соискателей ученой степени, оказания помощи в подборе высококвалифицированных кадров. При активной помощи Василия Ивановича работать в Карагандинском институте изъявили желание профессора Уральского политехнического института Грузинов В. К., Михайлов В. В., в последующем ставшие действительными членами АН Республики. Надобность в этих специалистах была вызвана необходимостью развития научно-исследовательских работ в области черной металлургии в связи со сдачей в эксплуатацию Карагандинского металлургического завода в Темиртау.

При посещении кафедры металлургии тяжелых цветных металлов Уральского политехнического института после беседы с Василием Ивановичем Евней Арстанович всегда находил время встретиться и побеседовать со мной. В 60-х годах я много занимался изучением автоклавных процессов применительно к различным видам сырья. Для того времени это был относительно новый процесс в гидрометаллургии тяжелых цветных металлов. Евней Арстанович интересовался его перспективностью, результаты выполненных исследований, аппаратное оформление. Убедившись в большом будущем автоклавных процессов, Евней Арстанович направляет на кафедру своих учеников с тем, чтобы они порабо-

тали на автоклавах кафедры, освоили технику эксперимента, изучили технику безопасности, познакомились с аппаратурой и, вернувшись в Химико-металлургический институт, явились бы не только пропагандистами новой технологии, но и ее авторами.

Так возникла лаборатория автоклавных процессов в Химико-металлургическом институте, которую возглавил энтузиаст ее Угорец М. З., ныне доктор химических наук. Автоклавная технология в институте стала не только базой для кандидатских и докторских диссертаций, но и для разработки новых процессов, обеспечивающих комплексное использование сложного полиметаллического сырья Казахстана. Надо сказать, для Букетова было большим праздником получение нового современного оборудования для лабораторий института, известие о фактическом экономическом эффекте, полученном от внедрения законченных исследований. Лично сам Евней Арстанович стремился доводить результаты своих исследований до промышленного внедрения. Весьма убедительным подтверждением сказанному является присуждение ему в 1969 г. Государственной премии СССР за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате.

С Евнеем Арстановичем легко и интересно было разговаривать как на научные, так и на обычные житейские темы. В разговоре всегда чувствовалась его глубокие теоретические знания, энциклопедическая эрудиция, большой жизненный опыт. Это и неудивительно. Являясь от природы одаренным человеком, он не спекулировал своей одаренностью, а предельно грамотно распределял ее в течение всей своей короткой, до предела насыщенной жизни. Итогом явилось научное признание его незаурядных знаний - в 45 лет он - член-корреспондент АН Республики, в 50 лет - действительный член Академии.

Много внимания Евней Арстанович уделял воспитанию молодых специалистов. Начав эту деятельность в стенах родного для него Химико-металлургического института, после некоторого перерыва он продолжил ее в Карагандинском университете, ректором которого был в течение девяти лет. Я в то время работал проректором по научной работе Уральского политехнического института. Вскоре после назначения его на новую должность Евней Арстанович приехал в Свердловск и первый визит нанес мне. Я поздравил

его, пожелал успехов в работе, высказал свое сочувствие, после чего начался обмен мнениями. У него было много вопросов по организации учебного процесса, студенческой науки, работе с абитуриентами, организации досуга студентов. Я поделился опытом работы на примере Уральского политехнического института, показал ему лабораторию кафедры физики, химии, сопротивления материалов.

Второй вопрос был кадровым. Ему нужны были специалисты по физике, математике и другим общеобразовательным дисциплинам.

Еще одна беседа о работе высшей школы состоялась в Алма-Ате, где встреча носила случайный характер. И снова он "пытал" меня, заканчивая каждый вопрос словами: "Как лучше сделать?" Так обычно поступают люди, которые действительно хотят сделать что-то хорошее, а Евней Арстанович к этому постоянно стремился.

Заслуживает особого внимания его литературная деятельность. Прежде всего издание монографий на базе выполнения исследований. Вместе со своими учениками он их написал 10. Это, как говорят в народе, "сам бог велел". Каждый уважающий себя научный работник должен писать. Но ведь, помимо научных монографий, им издан ряд художественных произведений. Наряду с научными статьями Букетов написал десятки статей для республиканских и областных газет. Он писал на русском и казахском языках. Его литературные произведения с одинаковым интересом читались русскими и казахами. И в этой области он преуспел. В 1971 году он стал членом Союза писателей СССР. На литературной деятельности Евнея Арстановича я остановился потому, что все свои произведения, изданные на русском языке, с дарственной надписью он адресовал мне. Я их с большим интересом читал, высказывал в письмах свое мнение, критические замечания. С чем-то он соглашался, с чем-то не соглашался. Я в свою очередь считал своим долгом монографии, учебники или учебные пособия, написанные мною с сотрудниками кафедры, направлять Евнею Арстановичу. Его мнение всегда доставляло большое удовольствие авторам вновь изданной книги.

Евней Арстановича кафедра привлекала к оппонированию диссертационных работ. Зная его занятость, я разрешал привлекать его для оппонирования только докторских диссертаций. Он давал согласие в том случае, когда был уверен в соискателе и положительном решении рассматриваемой

диссертации на всех стадиях ее прохождения. И у него это получалось. Когда диссертант получал согласие Евнея Арстановича, он был уверен в положительном исходе защиты и утверждении в ученой степени.

Вместе с тем диссертанты его боялись и боялись не как ученого, а как писателя. Иногда он с "глазу на глаз" отчитывал русского по национальности диссертанта за неумелое использование богатейшего русского языка при изложении текста диссертации. Звучало это примерно так: "Как Вам не совестно, мне, казаху, приходится исправлять Ваш русский текст". Это было самое тяжелое обвинение для диссертанта. Он готов был провалиться сквозь землю.

Приезжая в Свердловск, он всегда навещал вдову академика Смирнова Василия Ивановича Ольгу Павловну. За чашкой чая обычно протекала непринужденная беседа. Количество тем было неисчерпаемо. Объяснение этому было то, что Ольга Павловна была обязательным спутником Василия Ивановича в его командировках в Казахстан. Она была знакома со всеми выдающимися учеными Казахстана, наиболее экзотическими уголками республики, базами отдыха. Ее интересовала жизнь и деятельность общих знакомых, она радовалась их успехам и переживала неудачи в научной деятельности и семейной жизни. Евней Арстанович на все интересующие Ольгу Павловну вопросы отвечал с присущим ему юмором, высказывал свое мнение весьма корректно и в то же время незаметно "вставлял" настолько тонкие шутки, которые не всегда улавливались.

Разговор чаще всего начинался с воспоминаний о президенте АН республики, академике К.И. Сатпаеве, которого Ольга Павловна отлично знала и о котором с большим удовольствием вспоминал Евней Арстанович. Затем начинали вспоминать Василия Ивановича и других ученых. У них были общие знакомые казахские артисты, художники, писатели. Я подробно описываю эти встречи в связи с тем, что был их участником и, слушая собеседников, узнавал для себя много нового и интересного.

Я не ошибусь, если скажу, что Евней Арстанович принадлежал к категории людей, на которых хотелось походить, с которых хотелось брать пример.

Евней Арстанович был большим патриотом Родины и, конечно, своей республики, восхищался успехами ученых и писателей Казахстана, сам стремился приумножить эти успехи. Преждевременный уход из жизни талантливого

ученого, писателя следует считать большой потерей для нашей науки и литературы.

Виктор БЕЛОУСОВ

Я ЕГО НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ...

С Евнеем Арстановичем Букетовым я познакомился в 1966 году в Караганде, куда приезжал по заданию президента Академии наук СССР академика М.В. Келдыша. В Президиум АН СССР поступила в то время просьба Казахской Академии наук передать ей (Химико-металлургическому институту) научную базу ИГЕМ АН СССР (Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии), находившуюся в Караганде. Для выяснения состояния этой базы на месте и подготовки окончательного предложения по этому вопросу руководству Президиума АН СССР я и посетил город шахтеров.

Встретил меня директор в то время Карагандинского химико-металлургического института, доктор химических наук Евней Арстанович Букетов. С ним мы и знакомились с этой базой, вели переговоры по этому вопросу в Карагандинском обкоме КП Казахстана. Евней Арстанович подробно познакомил меня с работой возглавляемого им института, с достопримечательностями Караганды, с городом Темиртау и химической лабораторией своего института, которая находилась в этом городе на металлургическом комбинате.

Так мы подружились. Мне понравился Евней Арстанович своей непосредственной доброжелательностью, широкой эрудицией и большой компетентностью. Специальности у нас с Евнеем Арстановичем были разные: он химик-неорганик, я же геолог, специалист в области поиска и разведки рудных месторождений олова и вольфрама. Работая же в то время (т.е. во время нашей встречи с Евнеем Арстановичем) в Совете по координации научной деятельности академий наук союзных республик при Президиуме Академии наук СССР, я курировал Казахскую Академию наук, знал ее достижения, нужды и проблемы научно-организационного характера, некоторые из которых волновали и Евнея Арстановича.

Обсуждение этих проблем явилось общим интересом у нас, и это было главное, что нас сблизило. Евней Арстанович не замыкался только в узких интересах деятельности своего

института, а был в курсе важнейших проблем развития всей Академии наук, что для меня было и полезно, и интересно. Кроме того, он много рассказывал мне о Казахстане, быте, укладе жизни казахского народа.

Прямо скажу: Евней Арстанович был первым из ученых-казахов, который помог мне сблизиться с казахскими учеными, привил мне интерес к ним, к национальному быту и жизни казахов. Большое спасибо ему за это и, конечно, я его никогда не забуду, так он вошел в мою жизнь и помог моей работе с Казахской Академией наук!

Мне лично всегда было очень интересно встречаться и беседовать с ним. Я очень радовался и всячески поддерживал выдвижение Евнея Арстановича для избрания членом-корреспондентом, а затем академиком Академии наук Казахской ССР, так как считал (и теперь считаю), что он вполне достоин по своим научным достижениям и человеческим качествам этих высоких званий. Прошу только правильно понять меня - от меня и выдвижение для избрания, и избрание Евнея Арстановича в члены-корреспонденты и в академики ни в коей степени не зависило. Относительно выборов его в действительные члены Казахской Академии (академики) Евней Арстанович шуточно писал мне в апреле 1975 года: "Шутил я однажды - не выберут, останусь членом-корреспондентом, как, например, Менделеев; выбрали - это свидетельствует о том, что я совсем не Менделеев."

Евней Арстанович был скромным человеком и никогда не говорил мне и даже не намекал на то, что, наряду с научной деятельностью, он занимается еще и литературным трудом и является членом Союза писателей СССР. Я узнал об этом в Алма-Ате, где кое-кто из ученых рассказал мне об этом.

При очередной встрече с Евнеем Арстановичем он подтвердил это, и мы стали беседовать (и для меня это было очень полезно) на литературные темы. Как-то Букетов поделился со мной своими замыслами написать книгу о крупном казахском ученом, президенте Казахской Академии наук, академике Каныше Имантаевиче Сатпаеве, которого я хорошо знал, так как именно при нем начал свою работу по курированию Казахской Академии наук. Я же был одним из последних, кто встречался с Канышем Имантаевичем в Москве в больнице перед его кончиной в конце января 1964 года.

Я рассказал Евнею Арстановичу о моих встречах с Канышем Имантаевичем, о работе с ним, о тех научно-организационных задачах, которые нам приходилось с ним вместе решать в интересах Казахской Академии наук и развития академической науки в Казахстане. Букетов это очень заинтересовало, и он попросил написать меня мемуары для его будущей книги. Я сделал это и отправил материал с воспоминаниями о Сатпаеве ему. Я знаю, что Евней Арстанович активно работал над задуманной им книгой. Несколько глав, написанных им, он прислал мне с просьбой, чтобы я ознакомился и сообщил ему свое мнение, что я, конечно, сделал. Касаясь книги о Сатпаеве, Е.А. Букетов 29.10.73 года писал мне, что он имеет желание "написать так, чтобы Каныш Имантаевич выглядел фигурой (такой, какой он был на самом деле), с которой бы училось молодое поколение жизни, смелости, творчеству".

Евней Арстанович всегда был интересным, приятным и внимательным собеседником. Это приводило к тому, что я часто рассказывал ему о любопытных, по-моему, этапах моей жизни, например, о своей дипломатической работе, которую мне приходилось вести с 1952 по 1962 год (в это время я работал в качестве 2-го секретаря МИД СССР, вице-консулом и шефом протокола в Посольстве СССР в Швеции и т.д.).

Евней Арстанович очень интересовался этими моими воспоминаниями, моими встречами за границей с людьми сложной судьбы и воодушевлял меня на то, чтобы я начал писать книгу об этом. Под его благотворным влиянием я начал постепенно заниматься литературной работой.

Получив мои воспоминания о К. И. Сатпаеве, в письме от 14.04.75 года Букетов писал:

"Прочитал я Ваше начало - хорошо, литературно, так можно писать. И вообще, уверяю Вас - у Вас получится многое и кроме Сатпаева, пишите, пишите, не торопясь, даже пока не думая, может быть, об издании. Пишите для себя - это принесет удовлетворение..."

И еще об одном. Я послал Евнею Арстановичу две свои "пробы пера", написанные мною еще в молодости, так, для себя самого и для чтения домашнего, для друзей (самых близких). Первое "произведение" было записано "с натуры", так сказать, взято из жизни во время войны (называлось "Жизнь как она есть"), второе - результат моего наблюдения

за канцеляристами и бюрократами (называется "Гони план по валу").

Из посторонних (не домашних) я показал их только Евнею Арстановичу (и до сих пор больше никому). Его мнение ("рецензия") было критическим, но доброжелательным и, как всегда, ободряющим. Позволю себе привести более подробную выписку об этом из его письма ко мне от 17.01.76 года:

"Ваша "Жизнь как она есть" - рассказик ничем не хуже других - подобных. Действительно - жизнь, как она есть! Написано прекрасно. Для напечатания подчеркивать... национальную принадлежность хозяйки, может быть, не следует, хотя я тоже заметил, что то, что написано, именно характеризует определенную вами национальность.

"Гони план по валу"... Я думаю, что нам уже не по возрасту ехидничать по поводу мелочей жизни, ибо, как я, к сожалению, заметил, "Крокодил" вызывает смех и горечь... в основном у умных и честных людей, владеющих чувством юмора, а тупицы, подлецы и негодяи этим чувством (юмора) почти не владеют, и наш смех до них не доходит. Это, я думаю, вовсе не означает, что сатира и смех не нужны в обществе. Они очень нужны".

В заключение мне хочется подчеркнуть еще одну очень важную и ценную черту характера Евнея Арстановича - доброжелательное отношение его к другим нациям, интернационализм. Я приведу один конкретный факт, который говорит сам за себя и дополнительных комментариев не требует.

В 1979 году в Академии наук республики состоялись очередные выборы новых членов Академии, на которых присутствовал Евней Арстанович (как академик) и я (как куратор Казахской Академии). Среди баллотировавшихся кандидатов в члены Академии был один ученый-химик Н. К., представитель одной из проживающих в Казахстане малых национальностей. Мне было известно, что ряд крупных ученых-казахов (академиков) к этому ученому относились в связи с его национальностью несколько предвзято. Пользуясь нашими с Евнеем Арстановичем дружескими отношениями, я подошел к нему и спросил, как он относится к баллотирующемуся в члены Академии ученому Н. К.? Его ответ поразил меня своей мудростью. Он сказал: "Дорогой В. В., если представитель малой нации в Казахстане

преклонил свою голову к плечу казахов, его мы должны обязательно поддержать!".

Вот те впечатления об Евнее Арстановиче, о которых мне хотелось рассказать людям, чтобы память о нем была негаснущей.

Лидия ИЛЬИНА

ЖИЗНЬ РАДИ ЖИЗНИ ДРУГИХ

В марте 1972 года мой коллега по работе Алексей Иванович Перевертун сказал мне, что со мной хочет поговорить ректор только что открытого в Караганде университета Евней Арстанович Букетов. Разговор состоялся в приемной заместителя министра высшего и среднего специального образования республики Софрония Платоновича Попова. Евней Арстанович предложил мне ехать в Караганду на должность заведующей кафедрой общей физики или теоретической (я ведь окончила кафедру теоретической физики). Я страшно испугалась. Новый незнакомый город, новые люди, новая очень ответственная работа. Ничего не получится! Так все и выложила. Евней Арстанович рассмеялся - громко, раскатисто, от души - как мог смеяться только он, и начал говорить. Он говорил о своей Сары-Арке, о своей Караганде, о том, каким будет университет, о том, что ему нужны молодые, энергичные, знающие специалисты, что все будет хорошо, и посоветовал переговорить с родными. А потом мы разговаривали с ним вдвоем - мой муж и я, были всецело покорены обаянием этого большого человека. Не верить ему, не соглашаться с ним было невозможно.

В июне я была уже в Караганде. Евней Арстанович прислал в аэропорт свою машину, позаботился о комнате в общежитии, а через 20 дней мы получили квартиру в самом тихом уголке Караганды. Мне до сих пор не верят, что так может быть, вот так, вроде бы просто, пообещал и сделал. Таким он был во всем, жизнерадостный, жизнерадостный, человеческий, внимательный, даже в мелочах.

Не позже 1 сентября нам предстояло начать учебный год в корпусе, где ранее располагался весь пединститут, в аудиториях, где ранее находились кафедры и кабинеты истории, марксистско-ленинской философии, политэкономии, который мы должны были за 3-4 месяца превратить в оснащенные физические лаборатории.

Честное слово, если бы сейчас мне сказали, что такое можно сделать, я бы не поверила. Евней Арстанович всегда верил людям, он тогда сказал: "Все эти перегородки убрать! Зачем нам такие клетушки. Студенты Карагандинского университета будут учиться в просторных, светлых аудиториях". Евней Арстанович понимал, что особенно важно это для кафедры общей физики, которая должна была принять первокурсников первого университетского набора. Пройдите по третьему этажу корпуса физфака по Кирову, 16, и вы увидите, что самые лучшие помещения отданы самым младшим. А оборудование? А его монтаж? Евней Арстанович говорил: "Делайте все, что считаете нужным". И мы делали все, потому что не делать было нельзя, ведь нам так верили, на нас так надеялись. Физический факультет начал занятия в просторных университетских лабораториях. К слову сказать, этим же летом политехнический институт переехал в новый корпус и в течение почти года запускал свои физические лаборатории.

Ректор второго в республике, совсем молодого университета отчетливо понимал, что каким бы трудным ни был путь развития нашего коллектива, как бы ни опережали наши желания объективные возможности - университет должен иметь свое лицо. Разумеется, научные школы, которыми славятся отечественные университеты, не рождаются по мановению волшебной палочки. Это процесс сложный, длительный, предполагающий наличие квалифицированного профессорско-преподавательского состава с крупными, талантливыми учеными в его ядре. Это - не мои слова. Так всегда говорил Евней Арстанович, к этому призывал нас всех, и преподавателей, и сотрудников, и студентов. А как он говорил! Помнится, в Алма-Ате состоялось совещание председателей Советов и ученых секретарей, которое проводили представители ВАК. И там выступил Евней Арстанович. Как он говорил об университете, его перспективах, о нашем коллективе! Я много лет работала в Алма-Ате, многих знаю, и многие мои коллеги по Алма-Ате подходили ко мне и говорили: "Какое счастье работать с таким руководителем! Какой человек! Он живет для других!"

К нашему физическому факультету Евней Арстанович был явно неравнодушен. Это и неудивительно, так как это один из главных факультетов любого университета. Он собирал преподавателей физфака - преимущественно тогда еще молодых людей, кандидатов наук, только что начавших

путь, из разных концов страны. Только зав. кафедрой (ОМИиА, доцент А. И. Перевертун обладал большим преподавательским и научным опытом. Б. Ф. Минаев приехал из Томского университета, А. И. Перевертун (зав. кафедрой (ОМИиА), Т. А. Кукетаев (зав. кафедрой физики твердого тела), Ж. С. Акылбаев (зав. кафедрой теоретической физики), Л. Ф. Ильина (зав. кафедрой общей физики) - из Алма-Аты, Г. А. Кецле учился в аспирантуре МГУ, К. Т. Ермаганбетов работал в Сибирском отделении АН СССР, закончил аспирантуру в Новосибирске и там же защитился, зав. кафедрой радиоэлектроники Краусс Л. А. работал в Карагандинском политехническом институте, С. Д. Дарибеков - в КазПИИ в Алма-Ате заканчивал аспирантуру, а защитился в Москве, Б. К. Кусаинова - заканчивала аспирантуру в Тарту и т.д. Таким образом, в пределах одного факультета сошлись люди разных школ. Естественно, возникла мысль, что нелегко будет объединить единими творческими интересами молодых физиков, усвоивших методы и взгляды учителей; часто стоящих далеко друг от друга. О, как это понимал Евней Арстанович, и он делал все, чтобы наш факультет развивался в атмосфере общей заинтересованности и дружелюбия.

Единственная в республике гелиевая станция создана благодаря большой настойчивости и личной заинтересованности Евнея Арстановича. Оснащенность кафедр и лабораторий физфака, их высокий современный уровень отмечали многие наши гости, в том числе и из центральных университетов. Факультет работал по трем научным проблемам, которые координировались Академиями наук СССР и КазССР, на факультете насчитывалось 6 кафедр и учебно-научная лаборатория "Строение вещества", 45 преподавателей, в том числе 23 кандидата наук. Более 10 лет тому назад Евней Арстанович говорил о Г. А. Кецле как тонком и вдумчивом экспериментаторе (ныне проректор по НИР КарГУ Г. А. Кецле один из ведущих специалистов в области молекулярной спектроскопии).

Очень высоко отзывался Евней Арстанович о Минаеве Б. Ф. - ныне зав. кафедрой квантовой химии. Б. Ф. Минаев - доктор наук. Евней Арстанович высоко оценивал остроумную идею доцента Перевертуна применить разработанный им метод измерения солнечной радиации к бесконтактному измерению температуры расплавов. Теперь этот метод отработан на БГМК, Карагандинском заводе отопительного

оборудования. Таких примеров можно привести множество. Только большой ученый, вдумчивый педагог, подлинный руководитель, настоящий человек, а именно эти качества были в высшей степени присущи Евнею Арстановичу, мог так четко представлять будущее своего детища - нашего университета.

Лаборанты, аспиранты, студенты 1972 и даже более поздних лет - Антипов Ю. Н., Сойников Ю. А., Юров В. М., Кунакбаев Т. Ж., Брюханов В. В., Курманов М. К. и другие - ныне кандидаты наук. Это прямое следствие того, что Евней Арстанович очень бережно относился к молодежи и он постоянно был окружен молодежью. Он всегда верил молодым, надеялся на молодых, и эта ставка на молодость и одержимость сторицей окупалась. К сожалению, этой откровенностью, стремлением Евнея Арстановича посоветовать, подсказать, помочь в любое время, в любой ситуации частенько злоупотребляли. Вот и не выдержало его большое сердце.

А как любили и уважали студенты своего ректора. Он ведь частенько выступал перед студенческой аудиторией как ученый, как педагог, как писатель, просто как старший, опытный товарищ. Он находил время присутствовать не только на торжественных собраниях, заседаниях, юбилеях, семинарах, конференциях, но и на студенческих вечерах, КВН, просто в студенческой аудитории. Причем, присутствовал - не то слово, он никогда и ни к чему не оставался равнодушным, не терпел невежества, самонадеянности, подхалимства, грубости, неуважения к кому бы то ни было. И ни один человек из тех, кто с ним общался, хотя бы единожды, не мог отнестись к нему равнодушно.

Когда он входил в зал, в аудиторию, поднимался на трибуну, невольно возникала мысль: "Какой человеечище!" И никто из нас никогда и не думал, что он уйдет от нас так рано. Да, бывали случаи, что его могучий организм не выдерживал и он попадал в больницу, но даже там он был неистребимо жизнелюбив, при малейшей возможности работал, даже туда к нему шли и шли и зачастую не проведать, а за помощью, и он помогал, никому не отказывал.

Немало лет прошло с тех пор, как не стало Евнея Арстановича, а боль утраты не ослабевает. Я видела его в последний раз всего за несколько дней до кончины, конечно же, он был смертельно болен, и думаю, что сознавал это. Но это был все тот же Евней Арстанович, деятельный,

неунывающий. Великий сын своего народа, он отдал всего себя без остатка во имя его процветания, во имя будущего.

Всю свою оставшуюся жизнь (впрочем, я всегда это отчетливо понимала) я буду считать, что мне выпало огромное счастье трудиться под руководством Евнея Арстановича Букетова, общаться с ним, учиться у него жизнелюбию, оптимизму.

Виталий МАЛЫШЕВ

УСТРЕМЛЕННЫЙ В БУДУЩЕ

В памяти ученых академик Евней Арстанович Букетов оставил особенно глубокий след. Мы, конечно, с большим интересом воспринимаем его художественные и публицистические произведения, тем более что они посвящены деятелям науки, но все-таки то, что сделано академиком Букетовым в научной и научно-организационной области, для нас представляет непреходящую ценность как с точки зрения полученных научных результатов, так и опыта объединения творческих усилий больших коллективов ученых для решения крупных проблем.

К сожалению, язык науки не столь понятен, как язык художественных произведений и искусства, и может быть, поэтому во все времена и особенно в наше довольно смутное время общество оказывается невосприимчивым к оригинальным разработкам ученых, не замечает их, как мы не замечаем, ходя по земле, что топчемся на месторождениях золота, серебра, меди, других ценных металлов, которые связаны во внешне не очень приметные химические соединения. Громадная заслуга Евнея Арстановича в том, что он был замечательным переводчиком с языка науки на общедоступный язык, и поэтому он как никто способствовал расширению и повышению авторитета науки и сам в этой части обладал общепризнанным авторитетом. Я считаю, что в умении популярно излагать научные идеи с ним просто невозможно сравниться, поэтому, переходя к краткому очерку научной деятельности Евнея Арстановича, я заранее прошу извинить меня за специальные термины, для которых я не нашел простого перевода. Будь живым Евней Арстанович, он сам рассказал бы о времени и о себе, подобно Маяковскому, во весь голос.

Прибыв по назначению из Алма-Аты в 1960 г. в качестве директора, он принял довольно разнородное научное хозяйство, которое на втором году после организации института включало геологические, горные, углеобогатительные, металлургические и химические подразделения. Молодой 35-летний директор молодого академического института свою деятельность начал с несколько парадоксального решения - организации еще одной лаборатории - цветных, редких и рассеянных металлов, тем самым расширив и без того разнообразную номенклатуру научных специальностей института и вместе с тем в какой-то мере ее завершив, поскольку в Центральном Казахстане цветная металлургия представлена крупнейшими комбинатами - Балхашским и тогда еще только зарождающимся Джезказганским. Таким образом, региональный характер института получил достаточно полное организационное воплощение. Руководство новой лабораторией Евней Арстанович взял на себя и сразу же поставил в ней исследования по молибдену, вольфраму, селену и теллуру в развитие своих научных интересов, которые у него сформировались еще в Казахском горно-металлургическом (теперь политехническом) институте.

Эти исследования быстро продвигались и уже в первой половине шестидесятых годов оформились в две основные темы: шахтный обжиг гранулированных материалов цветной металлургии и автоклавные (т.е. под большим давлением) гидрохимические процессы с участием серы, селена, теллура, мышьяка, так называемых халькогенов и халькогенидов. По первой теме было получено первое для института авторское свидетельство СССР и осуществлено в 1965 г. первое внедрение в производство - упрочняющий обжиг гранулированных джезказганских концентратов в шахтной печи с наклонной решеткой. За эту работу Е. А. Букетов был удостоен Государственной премии СССР 1969 г. как участник освоения технологии комплексной переработки медных концентратов Балхашского ГМК с применением кислорода на стадии конвертирования (туда и подавались джезказганские концентраты в качестве "холодной присадки"). В эту технологию естественно "вписались" исследования института по извлечению очень ценного для ракетной техники элемента - рения, по результатам которых были получены первые зарубежные патенты, впоследствии умноженные на материале обжиговой тематики. Шахтные обжиговые печи были внедрены также на комбинате Уралэлект-

ромедь (г. Верхняя-Пышма, Свердловской области) для переработки медеэлектролитных шламов (1969 г.), на Джезказганском ГМК для упрочняющей сушки гранулированных медных концентратов перед электроплавкой (1972 г.), на Балхашском комбинате для обжига гранулированной молибденовой пыли печи кипящего слоя (1977 г.) и уже в восьмидесятые - девяностые годы - для сушки кокса на Ново-Джамбулском фосфорном заводе и ПО "Карбид" (г. Темиртау).

Более сложные превращения претерпела вторая тематика. Она была внедрена и использовалась некоторое время в течение **восьмидесятых годов** в ГДР, на Мансфельдских заводах, но в СССР не смогла найти применения главным образом из-за трудностей с изготовлением промышленных автоклавов - химических реакторов, работающих под давлением. Однако автоклавные процессы получили в институте довольно сильное развитие. Сначала для выведения кремния и рения из джезказганских медных концентратов в голове технологической схемы, чем предопределялись дальнейший более эффективный огневой передел и комплексность использования исходного сырья. Затем для обработки серой окисленных руд цветных металлов, что позволило унифицировать получаемые при последующем обогащении сульфидные концентраты, уменьшить потери ценных металлов и открыть возможность их единой огневой пирометаллургической переработки существующими и новейшими способами. Эта технология была принята для Джезказганского ГМК и для освоения крупнейшего в СССР Удоканского месторождения меди в Сибири на трассе БАМ. Автоклавный процесс был предложен и для получения фосфорных солей из фосфоритов Казахстана.

Названные две базовые тематики по цветной металлургии послужили основой докторской диссертации Е. А. Букетова, которую он защитил в 1967 г., в свои 42 года, что для технических наук является редкостью. Из этой тематики выросло первое приоритетное научное направление института - химия и технология халькогенов и халькогенидов, становление которого отразила первая для института монография по химии и технологии селена и теллура, вышедшая в 1969 г. Исследования поведения серы и сульфидов, а также сопутствующего им мышьяка проводились в тесной взаимосвязи с родственными им соединениями селена и теллура, благодаря чему данное направление получило научное за-

вершение и обобщение, которому Евней Арстанович уделял особое внимание. В частности, в технологии производства меди на Балхашском ГМК институтом был решен вопрос о выведении мышьяка из электролита, в связи с чем были начаты многоплановые электрохимические исследования, которые заняли в институтской тематике важное место. В 1969 г. Е. А. Букетов избирается членом-корреспондентом, а в 1975 г. в свои пятьдесят лет - академиком АН КазССР. Начиная с 1978 г. в г. Караганде проводятся регулярные (через четыре года) всесоюзные совещания по химии и технологии халькогенов и халькогенидов на базе ХМИ АН КазССР. Председателем оргкомитетов первых двух совещаний был Евней Арстанович Букетов, до третьего (в 1986 г.) он не дожил, а сейчас, именно в эти дни проводится пятая, теперь уже международная конференция по данному направлению.

Будучи директором института в 1960-1972 гг., т.е. в течение 12 лет, Е. А. Букетов активно занимается и другими его научными направлениями в области черной металлургии и органической химии (геология и горное дело в середине шестидесятых годов волевым решением были изъяты из тематики и структуры института и переданы отраслевым организациям). Евней Арстановича особенно заинтересовало ферросплавное производство с точки зрения возможности использования низкокачественного высокосольного угля для руднотермической плавки забалансовых, т.е. малопригодных марганцевых руд с получением комплексных ферросплавов. В этой возможности ему виделось парадоксальное соединение недостатков по качеству сырья и восстановителя, которое оборачивалось достоинством благодаря полной утилизации всех компонентов. Это направление получило сильное развитие, и номенклатура сплавов резко расширилась. Часть разработок внедрена в производство и продолжается освоение других вариантов данного процесса, очень актуального для Казахстана и стран СНГ. Достаточно сказать, что освоение технологии получения марганцевых ферросплавов было отмечено президентом Назарбаевым в числе наиболее перспективных достижений республики для оздоровления ее экономики.

Органическая химия в институте развивалась с самого начала его организации под руководством первого директора Иордана Нигметовича Азербаетова, впоследствии члена-корреспондента АН КазССР, который вскоре переехал в Алма-Ату и работал там в Институте химии АН КазССР. Его

разработка по безртутному способу получения ацетальдегида через виниловые эфиры еще в те годы остро ставила вопрос по экологии завода синтетического каучука (ныне ПО "Карбид"), и Евней Арстанович как мог всячески поддерживал эту идею. Он же способствовал расширению и углублению в институте исследований по органическому синтезу на основе ацетилена и его производных, являющихся продукцией ПО "Карбид", по электрокаталитическому гидрированию и другим научным направлениям отдела органической химии. И хотя эти исследования курировались школой органиков алма-атинских институтов АН КазССР под руководством академиков Сокольского Д. В. и Суворова Ы. В., вклад Евнея Арстановича в развитие отдела был во многом определяющим, что сделало возможным выделение его в Институт органического синтеза и углехимии АН КазССР в 1983 г., еще при жизни Евнея Арстановича. Вопросы же углехимии не затрагивали сферу интересов алма-атинской школы органиков и были крайне актуальны для Карагандинского угольного бассейна. Лаборатория углехимии была детищем Химико-металлургического института и находилась под постоянным вниманием его директора. Впоследствии, по возвращении в институт в 1979 г. после семилетнего ректорства в Карагандинском государственном университете, интерес к углехимии обернулся для старшего научного сотрудника лаборатории редких и рассеянных элементов академика Е. А. Букетова последней его научной идеей и страстью.

Эта идея соединила углехимию, производство ферросплавов и автоклавные процессы, т.е. то, чем он занимался порознь и в разной степени, причем они соединились так, что при этом была исключена совершенно необходимая и крайне дорогостоящая водородная энергетика, которой определяется стоимость моторных топлив при получении их из угля. Суть дела в обработке угля (или других естественных карбоносителей) с помощью ферросплавов, жадно взаимодействующих с водой в щелочной среде с выделением атомарного водорода, который тут же вступает в реакцию с углеродной частью угля. Температура, давление и продолжительность процесса снижаются вдвое-втрое, что позволяет использовать более простые автоклавы. Процесс защищен рядом авторских свидетельств, в которых основная идея оформлена в различных вариантах, включая использование сравнительно чистой окиси углерода, выделяемой в рудно-

термической печи при производстве ферросплавов из дешевого (высокозольного) угля. Эта окись углерода взаимодействует с водородом с образованием ценных и разнообразных кислородосодержащих углеводородов (спиртов, альдегидов, кетонов и др.). Это была прорывная идея, возникшая на стыке наук в голове талантливого и умудренного опытом ученого-академика, т.е. такая идея, которая и должна зародиться в стенах академического института на базе фундаментального знания общенаучных связей смежных дисциплин. Дальнейшая судьба идеи определяется возможностями отраслевых организаций, с которыми сейчас установлены необходимые контакты, правда, без гарантий автоматического продвижения ее в производство с учетом нашей заскорузлой системы внедрения. Недавно опубликована брошюра Евнея Арстановича Букетова "Нефть, уголь и вода в химии и энергетике", в которой с присущим автору блеском рассказывается об этой проблеме. Уже с самой первой страницы он захватывает читателя удивительно смелыми сближениями из поэзии Есенина, пугачевского восстания и изобретения керосиновой лампы, а в дальнейшем описанием мытарств великого химика Менделеева на поприще грамотной и бережливой переработки нефти и его борьбы с законодательными препятствиями и алчностью отечественных и зарубежных предпринимателей. Как все это звучит остро современно на фоне нынешней законодательной неразберихи и хищнического отношения к природным богатствам! Как не хватает нам его менделеевской мудрости, культуры и убедительности! Если же говорить о стиле этого и других крупных произведений Евнея Арстановича, то он органически соединяет простоту и образность художественного слова с научной и исторической точностью всех упоминаемых деталей и фактов. Это стиль будущего, который придет на смену сегодняшнему стилю, ориентированному на экономию бумаги и минут в ущерб ясности и действенности.

Что касается глубинного интереса к общенаучным связям, по крайней мере в области неорганической и органической химии, черной и цветной металлургии, то Евней Арстанович всегда отличался этим качеством, и это выразилось в скрупулезном изучении наследия Д. И. Менделеева, особенно в части переработки нефти, а также открытия и становления периодического закона. К известным многочисленным трактовкам этого великого события он прибавил

свою версию, которую изложил в последней своей, единичной монографии, сданной в печать в 1982 г., за год до безвременной кончины. Можно сказать, что эта монография (по современным формам выражения периодического закона Менделеева), как и упомянутая брошюра, являются наиболее характерными для стиля Евнея Арстановича, совершенно не искаженного обычно обезличивающей редакторной правкой, за что следует выразить издательству Карагандинского государственного университета глубокую признательность. В ней - живой, восторженный и уравновешенный, придирчиво расчетливый и художественно раскованный человек - химик, историк и литератор, каким был и остался в памяти ученых Евней Арстанович Букетов.

Упомянув об университете - втором детище Евнея Арстановича, должен сразу же с горечью заметить, что с этим вузом связана драматическая, а может, и трагическая страница его жизни. Как бы предчувствуя это, не хотел уходить из Химико-металлургического института Евней Арстанович. Говорил: "На меня смотрят как на строителя: в Алма-Ате в политехническом поручили строить новый корпус, только его построил - перевели в Караганду, не дали вкусить плодов своих. Здесь тоже вон какое здание возвели, скольких трудов это стоило, но только переехали в него - теперь в университет агитируют. Но надо, очень надо, ничего не поделаешь. И строить, и учить нужно, для нашего же института. Без своего университета не обойтись - в педагогическом обучении для большой науки недостаточное". Хотя на новом месте Евней Арстанович взялся за дело с полной отдачей и энергией, он не порывал связи и с родным для него Химико-металлургическим институтом, работая по совместительству старшим научным сотрудником лаборатории редких и рассеянных элементов. Очень часто он выступал как с научными докладами, так и по телевидению, в местной и республиканской печати, был депутатом и возглавлял комиссию областного Совета народных депутатов.

Годы работы Евнея Арстановича в университете и одновременно в институте в научно-педагогическом плане можно назвать самыми плодотворными: выходили в свет его книги и статьи, ученики защищали кандидатские и докторские диссертации.

Будучи яркой и привлекательной личностью, Евней Арстанович вызывал искренние симпатии огромного числа окружающих его людей, он стал настолько популярным, что

пи один визит известнейших деятелей науки и культуры в Караганду не обходился без встречи с ним, сопровождаемой доверительными беседами. О нем писали центральные газеты "Правда", "Известия", "Комсомольская правда" и другие. Не эта ли популярность обернулась против него самого? Он стал непозволительно заметным, тем более после потери наукой Казахстана своего блистательного лидера академика Каныша Имантаевича Сатпаева, и та же самая тень, которая в свое время затушевала славу легендарного академика, наложила свою черную печать и на одного из его духовных преемников, каким был Евней Арстанович. Дело дошло до того, что в течение 5 лет, с 1981 по 1985 годы, в том числе после смерти в течение двух лет имя Букетова не могло упоминаться в средствах массовой информации, а из библиотек изымались его публицистические книги.

Впоследствии о подобном отношении президент Назарбаев говорил так: "Ученые, писатели, которые составляют национальную гордость народа, например, академики К. Сатпаев, Е. Букетов, отодвигались в тень и шельмовались, а на щит поднимались другие авторитеты".

Сейчас имя академика Е. А. Букетова навечно возвращено университету. Установлены мемориальные доски на доме, где он жил последние годы, на здании Химико-металлургического института, его именем названа улица в новом и в самом перспективном районе Караганды. Это все символы справедливости истории и времени - самых беспристрастных судей человеческих судеб. По натуре человек веселый и оптимистичный, Евней Арстанович был уверен в неизбежном оздоровлении нашего общества, потому что был плоть от плоти своего жизнелюбивого народа и остался в его памяти полным сил и устремленности в будущее.

Станислав НАБОЙЧЕНКО

САМОРОДОК, МЫСЛИТЕЛЬ, ТРУЖЕНИК

Евней Арстанович относится ко второму поколению советских ученых-металлургов. Тем, кто находится сегодня на руководящих постах, уже 45-50 лет и они представители 3-го поколения. К ним отношусь и я, поэтому мое ощущение личности Евнея Арстановича можно соотнести через градацию "отец-сын".

Я не претендую на объективный портрет этого интереснейшего человека, мои личные контакты с академиком Букетовым непродолжительны. Излагаемые мысли - конгломерат личного ощущения, сложившегося под впечатлением изучения его трудов и кратковременных встреч и мнений о нем моих учителей.

В. И. Смирнов (1899-1972), академик АН республики, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор, доктор технических наук, с 1930 по 1970 годы возглавлял кафедру металлургии тяжелых цветных металлов Уральского политехнического института имени С. М. Кирова. Вот его мнение: "Букетов - очень способный казах, самородок. Он талантлив, он - труженик". Позднее В. И. Смирнов с готовностью консультировал его, дал отличный отзыв на его докторскую диссертацию, охотно помогал его помощникам, молодым в то время Малышеву В. П., Угорцу М. З. Судя по теплым воспоминаниям В. И. Смирнова о встречах с Е. А. Букетовым, последний был, по-видимому, скромен, внимателен к старшим - качества, которые В. И. Смирнов ценил у людей особо.

С. И. Кузнецов (1918-1981 г.г.) - заслуженный металлург РСФСР, проректор УПИ по научной работе (1961-1970 г.г.), 11 год возглавлял кафедру металлургии легких металлов, профессор, доктор технических наук: "Евней Арстанович - очень интеллигентный, тактичный человек, особенно добр к друзьям. Хотя и дипломат, но нажил и врагов. Кстати, вы, молодежь, знаете, что он не только писатель, но и отменный переводчик".

И. Ф. Худяков (1921-1988 г.г.) - заслуженный деятель науки и техники РСФСР, проректор УПИ по научной работе (1970-1979 г.г.), заведующий кафедрой металлургии тяжелых цветных металлов (1971-88 г.г.), профессор, доктор технических наук: "Евней - отличный друг, хороший организатор, человек дела, за едким словом в карман не полезет".

Я привел высказывания авторитетных людей, известных специалистов, ученых и педагогов в области цветной металлургии, хорошо знавших Евнея Арстановича. У профессоров Смирнова В. И., Кузнецова С. И., Худякова И. Ф. я не только учился, но и пришлось совместно с ними работать многие годы. Это добротные люди. Поэтому их мнения о Евнее Арстановиче я считаю как объективную информацию и оценку.

Впервые я увидел Евнея Арстановича осенью 1964 года, когда он приезжал на кафедру по апробации своей докторской диссертации. Его сопровождал И. Ф. Худяков в экспедиции по лабораториям. Зайдя в автоклавную лабораторию, Букетов живо интересовался техникой использования вращающегося диска для исследования кинетики растворения в автоклавных условиях.

Будучи аспирантом, и, как всякий молодой человек, я придирчиво рассматривал гостя, вслушивался в его вопросы, анализировал суть его высказываний. Мы, молодежь кафедры, очень уважали И. Ф. Худякова (статный, деловой, динамичный, знающий), и я, естественно, анализировал ощущение от гостя на фоне близкого и понятного для меня Ивана Федоровича.

Евней Арстанович оказался рослым и представительным, немного полноватым (для меня, в то время спортсмена, это считалось недостатком) мужчиной. Чистое округлое лицо, выразительные крупные черные глаза (цвета спелой вишни), густые черные волосы в форме двух упрямых прядей. Он больше слушал, но когда отвечал или спрашивал, то чувствовалось, что он хорошо усваивал информацию, а дополнительные вопросы касались глубинных нюансов обсуждаемой тематики. Во время беседы Иван Федорович рассказал анекдот на злободневную тему. К моему удивлению, от восточной сдержанности гостя ничего не осталось: оба они смеялись естественно и открыто. Евней Арстанович в долгу не остался. Но его рассказ, в отличие от рубящей короткой фразы И. Ф. Худякова, был преподнесен в более живой и литературной форме, повеяло стилем (да и шаловливостью) сказок Шехерезады. В завершение рассказа оба эти красавца-мужчины (им было в районе 40 лет) смеялись еще громче, приятельски похлопывая друг друга по плечу. Выступая в роли судьи, я все-таки отдал предпочтение И. Ф. Худякову, но оно было "с небольшим преимуществом". Обсуждая итоги визита и отвечая на мои многочисленные "Кто и почему?", Иван Федорович в конце произнес обобщающе: "Интересный и хороший мужик!" (эта грубоватая форма оценки, по существу, отражала высшее уважение, которое И. Ф. Худяков устно выражал в адрес своих знакомых).

Я окончил аспирантуру, на защиту диссертации поступил и отзыв из Карагандинского химико-металлургического института за подписью д.т.н. Е. А. Букетова и к.т.н. Угорца М.

Вот был положительный, интересный, замечания обстоятельные, просто соглашаться не хотелось, понадобились разъяснения.

Вот в период 10-летней работы в Унипромеди я неоднократно контактировал с ближайшими помощниками Е. А. Букетова (Малышевым В. П., Угорцом М. З., Шкодиным В. П.) в период проведения ими больших и полезных работ по модернизации переработки шламов медезлектролитного производства. Во время бесед (нередко в неофициальной обстановке; мы были молоды и стопка-другая водки или вина не влияла на наше поведение, а беседа шла оживленнее и непринужденнее!) мы обсуждали многие проблемы, перемалывали косточки сторонникам или противникам процесса. И всегда я слышал уважительную оценку роли Евнея Арстановича в развитии фундаментальной науки и образования на Северном Казахстане.

Мы радовались успешному развитию технологии с использованием печей шахтного типа, внедрению плавки концентратов на Балхашском комбинате, недоумевали и строили догадки, почему Евней Арстановича только на третий раз избирали членом-корреспондентом АН республики, удивлялись его очередному мужественному шагу возглавить становление Карагандинского университета, от души приветствовали присуждение ему Государственной премии СССР за цикл работ по усовершенствованию технологии на Балхашском комбинате, избрание его действительным членом АН Каз.ССР, беспокоились, что Евней Арстанович стал иногда хандрить и даже болеть.

В этот период под его руководством было завершено немало аспирантских работ, которые отличало надежное физико-химическое обеспечение, актуальность тематики, "букетовские" пылкость и мысль, хороший литературный стиль.

Все это время научные связи между Кар.ХМИ и организациями цветной металлургии Свердловска (в первую очередь Уральским политехническим институтом, Унипромедью) упрочнялись; это выражалось и в обмене информацией, совместных работах, приятных встречах на конференциях, помощи в организации защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата или доктора технических наук. Карагандинскую школу физхимиков-металлургов-цветников надежно представлял в 70-е годы академик Е. А. Букетов с докторантами Малышевым В. П., Угорцом М. З.,

а в Свердловске - профессора Бабаджан А. А., Каковский И. А., Кузнецов С. И., Окунев А. И., Худяков И. Ф.

В 1978 г. я подготовил докторскую диссертацию, посвященную изучению и разработке автоклавных технологий в металлургии меди. И при формировании "команды оппонентов" наш выбор с И. Ф. Худяковым остановился и на Евнее Арстановиче: "Компетентен, авторитетен, динамичен, но перегружен". Поэтому любезное согласие его быть оппонентом моей работы было для меня, а по мнению И. Ф. Худякова, и для нашего докторского Совета, почетным и полезным. Все шло нормально, разослан автореферат, получены отзывы от двух оппонентов и передового предприятия, защита назначена на 7.02.79 г. И вдруг за две недели до защиты Евней Арстанович приглашает меня в Караганду, показывает экземпляр диссертации с правками, дает прослушать диктофон с его замечаниями и обобщает: "Очень хорошая работа, но немало стилистических погрешностей, надо их исправить. Мне, казаху, неудобно делать вам, русским ученым, замечания о стиле русского языка". Вполне понятно, я был огорчен, даже пошел на обострение: "Согласен защищать при любом Вашем отзыве". Евней Арстанович остался непоколебим. Ни разъяснения, ни просьбы председателя докторского Совета и его заместителя не повлияли на его решение. Пришлось защиту перенести на месяц; к моему несчастью, срок полномочий Совета к этому моменту истек. И только через год в феврале 1980 г. состоялась защита. Евней Арстанович дал хороший отзыв, голосование единогласное, через полгода пришло утверждение ВАКа.

Год не прошел для меня даром еще и потому, что я достал опубликованные художественные произведения Букетова Е. А., с удовольствием их прочитал, отмечая про себя живость языка и сочность образов. Признаюсь, я внимательно просмотрел еще раз ряд монографий под авторским редактированием Е. А. Букетова: стилистически они были написаны совершеннее, чем моя докторская диссертация.

Не скрою, было обидно, даже сгоряча непонятно; но, оценивая эти события по временному фактору, сознаю: "Урок я получил сильный. Стараюсь максимально обдумывать построение и изложение фразы, мысли". Конечно, я благодарен за такую встряску. И однозначно так поступить мог не только сильный, но и убежденный в своей правоте человек.

Судьба предоставила возможность еще раз встретиться с этим интереснейшим человеком. Дело было на защите докторской диссертации В. П. Малышева. Евнея Арстановича хорошо знали в Совете и всегда ждали оригинального обобщения; поэтому, когда он попросил слова в дискуссии, восстановилась в зале полная тишина. Его речь отличала строгость и четкость, ясность и образность, мудрость и юмор. Помню его каламбур, очень удачный и к месту. Сильная работа В. П. Малышева была посвящена теории и практическим приложениям печей шахтного типа. Давая оценку достоверности разработанной методики расчета реакторов шахтного типа, Евней Арстанович привел данные, не отраженные в диссертации, об эффективности использования этих аппаратов и для сушки зерна. При этом эффект состоял не только в большой производительности и глубине сушки, но и в том, что свиньи, которым скармливали это зерно, набирали в массе гораздо быстрее, чем в контрольной партии подопытных животных. Евней Арстанович с видимой горечью заключил: "Действительно, пути науки неисповедимы. Получилось так, что я, мусульманин, способствовал процветанию свиной-животных, мерзких по Корану". Конечно, зал ответил дружным оживлением.

В последующие годы я считал приятным долгом поздравлять Е. А. Букетова с праздником, оперативно реагировать на авторефераты диссертаций его учеников, оказывать посильную помощь в организационных вопросах сотрудникам ХМИ АН Каз.ССР. Словом, добротные отношения между нашими организациями, заложенные нашими учителями, сохраняются.

Известие о трагической кончине Е. А. Букетова очень огорчило И. Ф. Худякова и меня. Мы направили соболезнование. И все-таки было непонятно и обидно: "Как получилось, что такой талантливый человек скончался в расцвете творческих сил". Без сомнения, объективную оценку событий, роли отдельных личностей даст время. Не дело нам, уральцам, со стороны пытаться разбираться во взаимоотношениях, сложившихся между учеными северных и южных научных провинций Казахстана.

Но если бы спросить мнение уральцев, знавших и участвовавших в развитии и становлении научной мысли на казахской земле, без сомнения, имя академика Букетова Е. А. они бы назвали в ряду талантливых сынов Казахстана К. Сатпаева, М. Ауэзова.

Талант Е. А. Букетова сформировался и расцвел в годы Советской власти, в условиях братской взаимопомощи и контактов с великим русским народом, с другими народами нашей страны. Истинный ученый всегда интернационален. Этому является подтверждением и кипучая жизнь Е. А. Букетова, труды которого хорошо известны в нашей стране и за рубежом, благодаря которым он продолжает жить и трудиться вместе с нами.

Сергей НИКИТИН

ПРОСТОР

Балхашская медь, как породистый степной иноходец, имеет "тавро" - четыре девятки. Это ее фирменный аттестат. Он удостоверяет высшей пробой - Государственным знаком качества: чистота меди почти идеальная - 99,99 процента.

Достичь этого коллективу Балхашского горно-металлургического комбината помог Химико-металлургический институт в Караганде, которым двенадцать лет руководил Евней Арстанович Букетов.

В списке научных трудов профессора Букетова более 130 названий, несколько десятков авторских свидетельств. Но главными для него долгое время были вопросы химии и технологии селена и теллура - химических аналогов серы, металлоидов, которые ныне нашли широкое применение в электро и радиотехнике, автомобильной промышленности, производстве красителей, ламп с непрерывным спектром - прообразов искусственного солнечного света...

Много лет Букетов работал над тем, чтобы извлечь из ядовитого дыма заводских труб серную кислоту, редкие металлы, в том числе редчайший из них - рений...

Превращать дым в металлы, более драгоценные, чем золото, занятие неординарное. Захотелось мне познакомиться, поговорить с ректором Карагандинского университета об этой проблеме.

В университете Букетова не оказалось: "Взял отпуск и уехал отдыхать в Каркаралинск".

Каркаралинский горно-лесной оазис в степи Сары-Арки - место знаменитое и примечательное. От Караганды до него - четыре часа автопробега по пологим холмам и каменистым гривам. Едешь, едешь нагой и желтой степью, и вдруг ныряешь в зеленое море с оранжевыми маяками-скалами.

Не за отдыхом застал я Евнея Арстановича в Каркаралинске - за работой: он переводил на казахский язык "Русь советскую" Сергея Есенина. Обрадовался: "Послушайте!" Сквозь затейливую вязь казахского языка вдруг проклюнулись чисто есенинская интонация, озорная печаль: "И это я! Я - гражданин села, которое лишь тем и будет знаменито, что здесь когда-то баба родила российского скандального поэта..." Казахские стихи пели есенинским языком!

Не понял я только одного, как поэт перевел слово "баба" "Крестьянка", - ответил Евней Арстанович.

Затем он дал мне почитать несколько первых главков своей только что начатой на русском языке рукописи - биографии Каныша Сатпаева. Пятьдесят страниц я буквально проглотил. Своеобразный поэтический синтаксис, неожиданные инверсии, смелые метафоры... Казалось, что две чуждые культуры - казахская и русская - громогласно заявляют о своем родстве. А языки-то совсем разные. Живой материал для серьезных и поучительных исследований, не только литературоведческих.

А ведь Букетов - химик...

- Евней Арстанович, скажите, на каком языке вы думаете?

Букетов долго молчал, вслушивался в себя. Казалось, мой вопрос застал его врасплох.

- Честно сказать, не знаю. Пожалуй, в работе непосредственно, как ученый и педагог - на русском. А вот когда вспоминаю о земле, родном гнезде, размышляю над судьбами людей, о жизни - на казахском, кажется.

И вдруг встрепенулся:

- Нет, нет! Что-то не так. Скорее, это чутье. Утверждать трудно. Ведь вы не просто так спрашиваете. Не хочу вводить вас в заблуждение. Притчу о бороде аксакала знаете? Вот вам хитрый ответ на ваш вопрос. "Старика спросили дети: 'Аксакал, ты, когда ложишься спать, куда свою бороду кладешь - на одеяло или под одеяло?' Аксакал глубоко задумался, ничего не ответил. Решил проверить перед сном. Положил бороду на одеяло - не так, неудобно. Спрятал под одеяло - еще хуже. Снова распустил поверху - совсем худо. Вынул под одеяло - кошмар! Так всю ночь и промучился". Стоит ли и нам ломать голову?

И засмеялся заливисто. Затем предложил:

Русский язык для всех нас, казахов, стал вторым родным языком. Он вывел нас на простор...

Помолчал и повторил с волнением:

- На простор. Но не тот, который знали наши предки, - бесконечная печаль голой степи. На подлинный простор жизни нас вывел Октябрь... Я родился в семье бедняка Арстана. До меня у родителей было семь детей, все умерли маленькими. Я родился уже в советское время - и выжил. После меня было еще четверо. Когда отец умер, мне, старшему, только что стукнуло шестнадцать лет. Какая судьба ожидала осиротевшую семью бедного казаха до революции? Нищета, погибель. А мои братья все до одного получили высшее образование. Живут и трудятся в радость: Камзабай - инженер-электрик, Жаркен - инженер-гидролог, Шабдан - инженер-геофизик, Еслямбек - горный инженер. Ну, а я, старший - ректор университета. Вот это и есть - советский простор! Отец рассказывал мне, что он стал землепашцем благодаря русскому мужику - переселенцу Лазуткину. Тот дал ему зерна пшеницы, помог вспахать землю и засеять клин. Через несколько лет весь наш небольшой аул Алыпкаш питался "лазуткинским" хлебом. А зерна, посаженные в казахских степях Октябрьской революцией, стали хлебом жизни всего народа.

- Реальность родила художественный образ.

- Да. Согласитесь, нельзя не высказать это песней. Хочется поделиться с людьми сердечной радостью. Может быть, поэтому и занимаюсь литературой.

- Скажите, Евней Арстанович, что же главное для вас - наука или литература?

- Быть может, я покажусь вам однозначным, но я все-таки казах, что поделаешь! - улыбнулся профессор. - И поэтому снова назову любимое слово - простор. Литература мне, ученому, поставляет, если так можно выразиться, чувство беспредельности человеческого разума. Распахиваются такие романтические дали, рождаются такие возвышенные и благородные устремления, что невольно обретаешь крылья и пускаешься в полет. Ну и еще: образованность без воспитанности - лишь грива скакуна, но не сам скаун. Воспитание чувства - от песен, литературы, живописи, от всего того, что составляет великолепное ощущение жизни. Если позволите, я процитирую Луначарского, который писал, что образованный человек "...идет к идеалу всеведения. Но не таким образом, чтобы поверхностно скользить по всему. Он должен иметь специальность, он должен знать свое дело, но вместе с тем интересоваться и уметь войти в

другой круг познаний. Такой человек слышит весь концерт, который играет вокруг него, все звуки для него доступны, все они сливаются в одну гармонию, которую мы называем культурой. И в то же время он сам играет хорошо и делает свой вклад в общее богатство, а это общее богатство в целом отражается в его сознании, в его сердце". Да, в сердце. В свое время затеянный спор о физиках и лириках - зряшное дело. У поэтов и ученых в сущности одна задача - поиски красоты, совершенства. Все самое доброе и полезное на свете создается по законам красоты. К прекрасному во всем стремится человек. Убеден, что ученым скорее сделается тот, кто непрерывно и беспрестанно развивает свою творческую личность во всех направлениях. Как сказал Пушкин: "О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух, и опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг".

Так вот получилось: поехал писать о докторе технических наук, а встретил коллегу по перу - публициста, критика, поэта, переводчика... Статьи Букетова о научной интеллигенции Казахстана, рецензии и театральные обзоры, написанные на русском языке, были известны мне, но не знал я, что автор их прежде всего химик. Они привлекали внимание читателей лаконичностью и точностью в анализах и оценках, тонким вкусом и чувством меры. Букетов перевел на казахский язык поэму Есенина "Анна Снегина", стихи и поэму "Хорошо" Маяковского, рассказы Эмиля Золя, роман Ивана Вазова "Под иггом..." Эти переводы обогатили казахскую литературу и поэзию, в частности, открыли для национального стихосложения не только новый размер, но и насвежо осветили доселе малоизвестный уголок беспредельного массива человеческих отношений. Эстетическая ценность этого его литературного труда была замечена и признана сразу: Евней Букетов был принят в Союз писателей СССР.

Химик и поэт. Сплав не столько необычный, сколько поучительный. К тому же Евней Букетов с равной силой говорит на двух языках: родном казахском и русском...

И все-таки Евней Арстанович Букетов прежде всего ученый, педагог. Это проглядывает и в его чисто литературных работах: факты, сопоставления их, анализ, суждения, гипотезы... Художественный образ в его произведениях существует и живет не сам по себе, он как бы дополнительно выверяется и обосновывается научно, подвергается исследованию, эксперименту, что ли. Букетов, правда, не пе-

решагивает видимой грани, но, к примеру, при чтении его рукописи о детских годах академика Сатпаева нет-нет да и возникает ощущение, что анализ приведенных в повести фактов жизни кое-где берет верх над "искусством фактов".

Я уже упоминал о заводских дымах над степью - "бунчуках на пиках-трубах". Так вот: этот образ заимствован мною у Букетова. Именно он, этот образ, родившись в стихах, затем стал для Букетова предметом исследования, экспериментов. Потребовалось бы много времени, чтобы дать лишь абрис тем проблемам и работам, которые возникали и проделывались, чтобы из ядовитого дыма извлечь пользу для человека.

К 1960 году президент Академии наук Казахской ССР К.И. Сатпаев пригласил к себе молодого ученого Букетова и попросил его возглавить только что основанный в Караганде Химико-металлургический институт. Начиналось все "с нуля, с колышков", а ныне этот институт (в полном смысле родное детище Букетова) - крупнейший научный центр, где ведутся исследования по важнейшим проблемам химико-металлургического производства. Именно научный коллектив этого института, ведомый Букетовым, сумел помочь горнякам-обогащителям, металлургам и химикам Сары-Арки добиться таких успехов в производстве редких металлов, которые были отмечены Государственной премией СССР.

В Жезказгане и Балхаше Букетов для рабочих и инженеров - свой человек, наставник и помощник. У металлургов памятны дни, когда балхашцы вместе с коллективом ученых "букетовского института" совершили резкий скачок в производительности конвертора. В меди крайне нуждалась промышленность страны: чем больше, тем лучше.

Я не стану вдаваться в описание всей сложности этой проблемы и поистине титанического труда, вложенного в нее. Чугунные слова похвалы не вступают в реакцию с чистой пробой мужеством.

- Тоже "четыре девятки?" - спросил я у Евнея Арстановича, имея в виду цену научного подвига его сотрудников.

- Нет. "Четыре девятки" в квадрате, - ответил он твердо и, следуя какой-то внутренней ассоциации, добавил: - Каждый из нас обязан работать вдвойне, за себя и за тех, кто своей грудью защитил простор нашей жизни. Чувство долга, как и радость - сильнее всех чувств на свете.

Проблема, в решении которой достигнуты столь замечательные результаты на Балхаше, продолжает волновать и двигать вперед мысль химиков и металлургов страны. "Балхашский эффект" получил огромный резонанс в металлургических цехах и лабораториях многих заводов страны. Доброе дело вышло на широкий простор.

- С каким чувством вы, Евней Арстанович, оставили свой родной институт, обретший под вашим руководством зрелость, силу и славу, и перешли в университет?

- С чувством ответственности и удовлетворения. Да, институт окреп. Почти все свои научные работы я выполнял вместе с учениками и коллегами. А я с самого начала выбирал таких помощников себе, чтобы они в будущем не только достигли того, что я знаю, но и пошли дальше меня. Так и вышло. Я рад этому, хотя, не скрою, это порой нелегко. Трудное и большое это счастье - воспитать учеников, которые способны смотреть и видеть дальше и глубже, чем их наставник. А университет - этот как раз такое учебное заведение, которое должно прежде всего науку двигать вперед. Двигать ее вперед - руками, разумом и сердцем молодых.

Люди живут в окружении родни. Не безродны и технические новшества, научные открытия, изобретения. Родня у них обширна. Студенту университета нужно хорошо узнать всю свою "родню", прежде чем пускаться в рабочий путь, поиск. Научить его быть умным инженером можно и должно, но открывать и изобретать никто научить не сможет. Открытия рождаются не из схем, а в кипении и горении рабочих будней. Методики научных открытий нет и не может быть. Как нет и не было инструкции, по которой бы создавались пушкинское "Я помню чудное мгновенье...", ахановский "Кулагер", ауэзовский "Абай". Но метод есть! Неожиданностей в открытиях не бывает, любая неожиданность уже предопределена самим материалистически нацеленным, организованным по законам диалектической логики поиском. Оснастить и отправить в этот поиск молодого человека - вот благородная цель университета. Ну и, само собой разумеется, мало быть хорошим инженером, ученым, надо прежде всего стать полноценной личностью - честным гражданином, искренним патриотом.

Евней Арстанович поднялся из кресла и вышел на балкон. Опершись на перила, он, большой, неподвижный, долго смотрел на блестящее озеро-блюдец в оправе золотых

сосен и красноватых скал. Неширокий пляж был усыпан отдыхающими. Слышался смех. Где-то играли на баяне и домбре.

Повернувшись ко мне, он сказал, продолжая беседу:

- Только в Караганде сейчас работает 700 кандидатов наук и 30 докторов.

И снова задумался, вошел в комнату, опустил в кресло, глотнул из пиалы кумыса.

- Сила большая, - заметил я.

Букетов охотно подхватил мои слова, опять оживился, плавным движением большой руки поправил густой черный чуб.

- Да, сила значительная. Она способна свернуть горы - в буквальном и переносном смысле. Видели горы отвальных пород у рудников и шахт, курганы отходов на заводах металлургических заводов и обогатительных фабрик? Мусор? Балласт? Ну, нет. Мы научились из дыма извлекать драгоценные металлы. В этом направлении пойдем дальше. А балласты? Это же и есть "твердый дым" производства. Не пора ли и его взять в обработку? Но как? Грубо говоря, металлургия за всю свою историю прошла два эпохальных этапа - огневой и водяной. Но по нынешним временам, нынешнему уровню развития техники и науки сжигать, к примеру, в топках карагандинский уголь непростительное расточительство. Это же углерод! Многие из него сделать можно. Запасы природных полезных ископаемых не беспредельны. Правда, еще три столетия бояться нечего. Только наши подземные реки руды и угля, текущие от Урала до Балхаша, чего стоят! Но надо подумать и о наших потомках в седьмом колене.

И вдруг опять неожиданно спросил: - А вы знаете, что строфа "Евгения Онегина" совершенно точно укладывается в мелодию "Кыз-Жибек"?

- Как?

- А вот так.

И Евней Арстанович напел арию из казахской оперы "Кыз-Жибек" на пушкинские слова: "Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог..."

Букетову пятьдесят лет. Его крупная фигура, плавные, медлительно-грациозные движения, вдумчивая, полная афористичности и тонкой иронии речь под стать седобородому аксакалу. Не обманывает только улыбка: озорная, открытая, заразная.

Евней Арстанович пригласил меня на джайляу - летнее пастбище. "Жигули" прытко побежали по желтым буграм. Машину вел известный в Казахстане ученый-оптик, кандидат физико-математических наук Алексей Иванович Перевертун - давний коллега и испытанный друг Букетова. Массивный, большой, он оседлал малолитражку, как коня. Мы с Букетовым разместились на заднем сиденье, а рядом с Перевертуном примостился семилетний сынок Евнея Арстановича - Рашид.

Остановились у юрты табунщика. Молодой пастух пригласил к дастархану, шустрая черноглазая хозяйка с двухлетним малышом у подола взбила кумыс, налила в стаканы.

Фырканье кобылиц, ржание новорожденных жеребят не мешали неторопливой беседе Букетова с пастухом. Расспрашивая табунщика о жизни, работе, профессор то и дело поглядывал на стенки и купол юрты, хмурился. Огляделся и я: юрта собрана наспех, кое-как, в грязных кошмах зияют дыры, деревянный остов-кереге ничем не прикрыт, не украшен. Неприветливо и сыро. Евней Арстанович поймал мой взгляд и, словно прочитав мысли, с виноватостью сказал:

- Не подумайте, что хозяин этой, с позволения сказать, юрты нищ. Он зарабатывает не меньше кандидата наук. В Каркаралинске у него собственный большой дом, есть скот, личная легковая автомашина, семья одета и обута, сыта. А вот на пастбище поставил юрту-временку. Не жить, мол, - работать. Ну, пусть - рабочее жилье. Но разве рабочее место должно быть убогим и запущенным? Привыкнет жить серо, и работать станет спустя рукава. Утрата чувства красоты, потребности в ней, мстит человеку равнодушием и казенщиной, потерей ответственности за дело, которое он правит на земле.

И, глянув строго и требовательно на молодого табунщика и его востроглазую жену, добавил с душевной укоризной:

- Что же это вы, а? Есть же возможность ставить на джайляу добротные и красивые юрты. Зачем самим себя ушибать? Нет, нам и завтра будут необходимы гордость и красота. Быть может, даже в большей степени, чем сегодня.

Я слушал разговор профессора с пастухом и думал: нет, он не столько ученый, сколько поэт. Именно поэзия жизни дает ему крылья и распахивает простор для научных дерзаний, а вообще-то он просто хороший человек. Сын своей земли, для которого советское родство с людьми труда

дороже родства кровного. Это дорогое и благородное чувство братства и интернационализма и делает его жизнь просторной и счастливой.

На обратном пути с джайляу Евней Арстанович сказал мне:

- Наши отцы оставили нам мудрость: "Вместе с народом и черный день - праздник". Всю жизнь держусь этой правды. И детям своим передаю. И ученикам.

Позже, в Балхаше, я взял в библиотеке журнал "Знамя" и перечитал публицистическое эссе о казахской народной интеллигенции. "Человек, родившийся на верблюде, и его сверстники". Эта литературная работа академика-химика Евнея Арстановича Букетова отмечена поэзией и пронзительной искренностью.

Я не в силах отказать себе в удовольствии привести здесь несколько строк из этого труда: "Мать-казашка (моя мать, бабушка, прабабушка, словом, праматерь) была человеком мужественным, многотерпеливым и смелым. В борьбе с жестокими условиями жизни всегда выходила победительницей, ибо она не только "хорошо рожала", но и умела вырастить нас. Не просто инстинкт продолжения рода владел ею при этом. Она черпала силы и волю для беспримерных подвигов из веры в большое будущее своих сыновей и дочерей, всего своего народа. И поэтому она растила и пестовала такую дочь и такого сына, которые бы не только продолжали ее род, но и в непрерывной борьбе с алчными захватчиками героически и успешно защищали бы бескрайние просторы степей и гор, и сохранили бы их для тех великих дел, которые ныне свершает мой народ, обретший на своей исконной земле истинную дружбу и братство с другими народами моей Родины".

... Мы стоим с Евнеем Арстановичем Букетовым на строительной площадке Университетского городка. Он рассказывает мне о недалеком будущем Карагандинского университета:

- Здесь вырастут учебные и жилые корпуса, здесь стадион, здесь опытные поля...

И вдруг добавляет взволнованно:

- Какое счастье - видеть все это своими глазами, помогать расти новому делу, новым домам! Хорошее дело, как любимое дитя: народить народил, но главное-то впереди - поднять на ноги, воспитать, научить созидать, жить красиво, с пользой для земли, народа...

СЛОВО О ДРУГЕ

Почта принесла свежий номер журнала ("Север" № 12 за 1987 г.) с моим очерком. И по извинительной слабости каждого литератора прежде читать начал свое. Как в кинофильме, ожили, поплыли перед мысленным взором впечатления, размышления, встречи. Вот на том воображаемом экране крупным планом лицо. Всматриваюсь, вспоминаю. И не из забвения выплывает оно, а из глубин памяти, где быть ему суждено, пока не померкнет собственное мое сознание.

Да, вот он рядом, этот человек! И радуюсь встрече и сожалею, что во время наших прошлых бесед, при жизни его, чего-то не договорили, не охватили бегом мысли весь необъятный горизонт.

Так что там, в журнале?

"...С ученым-химиком, академиком Казахской Академии наук, писателем и блестящим переводчиком Шекспира на казахский Евнеем Арстановичем Букетовым бродили мы по небольшому лесочку у Каркаралинска. Упал сосновый сучок. (Дальше здесь было о том, что упал этот сучок потому, что дрогнула земля от дальнего взрыва на испытательном полигоне под Семипалатинском. Но редакция журнала решила эти строки убрать. На всякий случай.) Академик, углубившись в свои мысли, что-то сказал по-казахски и сразу же перевел на русский:

- Это Шекспир. Помните "Быть или не быть..."

Потом поднял веточку.

- Изумительное создание природы. Само совершенство! И как нерационально обходимся мы с энергией, в ней заложенной. Самой мирной энергией.

Помолчали. Высоко в небе, высматривая суслика, ходил кругами орел. Академик последил за его полетом и по непонятной ассоциации сказал:

- К новой теме давненько уже приступил. Проблема газификации и сжигения каменного угля. Но и древесину не хочу упустить из поля зрения.

Упустил. Не успел. Инфаркт. И думается мне - точнее, я уверен - по причине полнейшего равнодушия к теме и даже свирепого гонения ее автора со стороны прежнего руководства Казахской Академии наук.

А ведь у республиканской науки под боком не только хрупкие горные леса Тянь-Шаня и молчаливо, бесшумно исчезающие березовые колки северной казахской степи, но и Экибастуз с его ежегодной пятидесятиллионной программой добычи каменного угля.

Закрываю журнал. И уплывает кинокадр. А размышления остаются.

Работа журналиста - постоянные встречи с новыми людьми. Десятками, сотнями и, наверное, за долгие годы тысячами. Но даже у журналиста настоящих друзей все же наберется не более, чем пальцев на одной руке. И среди моих друзей по праву - Евней Арстанович.

А ведь могли вообще не встретиться, либо ограничиться формальным контактом. Караганда большая. Корреспонденту московской газеты скучать некогда. Как и непозволительной роскошью было бы проводить долгие часы за беседами, для постороннего уха порою непонятными и странными. Я же встречами с Евнеем Арстановичем наслаждался и время на них никогда не жалел. Он был из тех людей, к кому по праву применима мудрость Бруно Ясенского: "Единственная настоящая роскошь - это роскошь человеческого общения". Почему? Ответить затрудняюсь. Как не могу выделить что-то в характере моего друга. Какую - то одну черту, две, три, чем он завораживал и притягивал. Был он цельный и неделимый.

Через него открывался мне внутренний мир казаха, воспитанного степным простором, огромным небом, древними изломами отсанцевых гор Сары-Арки. С ним входил я в дом казаха-интеллигента и юрту чабана, разговаривал с простыми шахтерами и бог знает еще с кем. Переводчиком он был мудрым, точным, тактичным. Через него я приобщился к внутреннему миру уже давно покойного Каныша Сатпаева, и еще дальше по времени отодвинутого, но живого и по редкости в человеческой породе исключительного Чокана Валиханова. Какой-то новой стороной, он, историк-исследователь, выводил меня на Достоевского времен его пребывания в Степном генерал-губернаторстве.

Мы почти ровесники. Мы одного поколения. И давно, в начале тридцатых, может быть, и встречались в босоногом детстве под Петропавловском. Во всяком случае, вспоминая какие-то детали, находили много общего.

Голос у него был мягкий, негромкий. Звонил телефон, и на другом конце провода возникал Евней Арстанович. И не

было звонков пустых, никчемных, так называемой телефонной болтовни. Мне даже думается, телефон он не любил. И разговор, максимально насыщенный информацией, быстро заканчивался.

Вот он зовет на осмотр нового здания университета. И ходим по пустым гулким аудиториям, и ректор Букетов воодушевленно выкладывает планы развития университета в новых стенах. Да только недолго самому Евнею Арстанovichу довелось работать в новом комплексе... В далекой и, как мне тогда казалось, недоброй Алма-Ате, уже вынашивалось иное решение...

Опять звонок. "Дорогой друг, приехал интересный гость из Сибири. Загляните вечером." И встреча-застолье с бурятским писателем Африканом Бальбуровым. Отыскание корней степного родства бурят и казахов. И воспоминания об иркутских общих знакомых. А ведь когда-то случайно я обмолвился, что знаком с Бальбуровым. Но Евнею Арстанovichу было того достаточно, чтобы вспомнить и много лет спустя свести за одной беседой сибиряков. А сам слушает, улыбается. И помогает разобраться в хитросплетениях этнографии.

Дружба наша не прервалась и когда меня отозвали работать в Россию. Переписывались. Перезванивались. Договаривались о новых встречах. Делились жизненными планами. Да, как в старину говаривали, человек предполагал, бог располагал...

Однажды в моем кабинете в неурочное время застучал телетайп. Подхожу. Вчитываюсь в бегущие строки. И темнеет в глазах. Мой коллега из Караганды коротко сообщает, что Евнея Арстанovichа больше нет...

И остались лишь воспоминания, да несколько его теплых писем. Но в памяти моей он жив. Память не умирает. Могилы близких храним мы в своих сердцах. И уходят они лишь вместе с нами.

Абдуали БАЕШЕВ

НАШ НАСТАВНИК - ЛИДЕР ЭЛЕКТРОХИМИИ

Мне хочется вспомнить о работе Евнея Арстанovichа с молодыми исследователями, аспирантами и соискателями, а также о его работах в области электрохимии. Евней Арстанovich очень любил работать с молодежью. У него было

много молодых учеников. Он всегда говорил: "Молодежь - это будущее науки". Работая директором института, затем ректором университета, несмотря на свою занятость административными и другими делами, Евней Арстанович всегда находил время для того, что проконсультировать молодых исследователей. Мы всегда восхищались тем, что Евней Арстанович умел находить время для беседы с молодыми научными сотрудниками. Даже будучи ректором университета, он каждую среду (творческий день) посвящал нам, приходил в новый корпус Химико-металлургического института, выслушивал нас, указывал на ошибки, поощрял успехи. Если все же нам не удавалось по какой-нибудь причине встретиться с ним на работе, мы в любой день, в любое время, когда он был свободен, могли к нему прийти домой. Дома встречала нас с доброй улыбкой его супруга, уважаемая Зубайра Дюсеновна, которая хорошо знала всех учеников Евнея Арстановича.

Наши статьи, рукописи никогда не залеживались у Евнея Арстановича. Стоило ему отдать, он удивительно быстро их прочитывал, вносил поправки и делал ценные замечания. Работал он очень много. Для беседы по научной работе он мог вызывать нас и в 7-8 часов утра, и в 10-11 часов вечера, и в субботу, и в воскресенье, когда, казалось бы, он должен был отдыхать. Он искренне радовался каждому авторскому свидетельству, полученному нами, каждой опубликованной статье своего ученика, зная, что это результат и признание большого труда, и каждый раз морально поощрял нас, вдохновляя на новые дела.

Евней Арстанович учил нас работать, научно мыслить. Если у нас были какие-либо трудности при проведении эксперимента или даже в жизни, он всегда приходил на помощь. Любая беседа с ним вносила ясность в любое трудное дело и придавала уверенность. После встречи с ним мы всегда чувствовали прилив сил и бодрости.

Со своими учениками Евней Арстанович был строг и добр одновременно. Строго требовал, чтобы мы работали и относились к работе творчески, в то же время по-отечески, с любовью относился к нам. О его доброте, человечности говорит и то, что он знал даже имена детей своих сотрудников и часто спрашивал об их здоровье.

Одной из характерных черт Евнея Арстановича была справедливость. Я вспоминаю один случай, который произошел в 1972 году. Мы обсуждали с ним результаты моих

экспериментальных данных. У нас возник научный спор. По своей молодости и неопытности, но в той же мере увлеченности я долго отстаивал неправильную точку зрения и, конечно, своим упорством обидел его. Только на следующий день я, поняв свою ошибку, попросил у него извинения. Выслушав меня, Евней Арстанович сказал: "Ты молодец, что детально разобрался, более того, не боялся спорить с научным руководителем, чтобы отстоять свою точку зрения. Помни, что в научном споре все равны, только в споре рождается истина, не надо бояться ни титулов, ни регалий". И добавил: не ошибается тот, кто не работает и не думает. Конечно, с руководителем - известным ученым трудно вести научный спор, но наш учитель Евней Арстанович был очень доступным, и мы никогда не чувствовали никаких стеснений при обсуждении научных результатов.

Как нам известно, Евней Арстанович работал в нескольких направлениях. Я хочу немного рассказать об электрохимических исследованиях, так как именно это направление меня тесно связывало с ним. Наша республика является одной из ведущих в мире в области электрохимии. А в республике немаловажное значение имеют работы электрохимиков Караганды, которые были начаты под руководством Евнея Арстановича. Можно отметить следующие работы: впервые проводились систематические исследования о роли одновалентной меди в электродном процессе в многотоннажном производстве электрорафинирования меди. Образование дисперсного медного порошка, попадающего в медно-электролитный шлам при электрорафинировании меди, объяснялось в виде различных предположений и гипотез. Решение этого вопроса в течение последних 100 лет оставалось неясным. На основании многочисленных исследований, проведенных карагандинскими исследователями под руководством Букетова, впервые наглядно было показано, что источником попадания медного порошка в донный шлам являются колебания потенциала анода и неравномерное распределение потенциала на поверхности анода, а также частичное механическое осыпание анода. Часть этих результатов докладывалась на II Менделеевском съезде и была одобрена всемирно признанным электрохимиком-академиком А.Н. Фрумкиным. Думается, что в новых изданиях учебников будут излагаться указанные научные результаты.

Одним из ведущих направлений в электрохимических исследованиях Евнея Арстановича являются исследования,

посвященные поляризации и растворению порошковых материалов, которые относятся к труднополяризуемым. Это направление является одним из новых в области электрохимии. Проводился ряд исследований по поляризации халькогенсодержащих и фосфорсодержащих порошковых материалов. Электрохимическая переработка медезлектролитных и фосфорных шламов взамен трудоемких и энергоемких термических способов является новым оригинальным решением. Нет сомнений, что электрохимическая переработка указанных шламов является перспективной и является технологией будущего.

Одной из последних, интересных и оригинальных работ является работа по электрохимическому восстановлению трудновосстанавливаемых анионов, таких, как селенат-, арсенат-, теллулат-ионы. Ранее эти ионы восстанавливались химическим способом, при высоких температурах, давлении и очень агрессивной среде. На основании систематических исследований был разработан новый метод (электрохимический) восстановления вышеуказанных анионов практически со 100% - ным выходом по току при комнатной температуре.

Только за 2-3 года по электрохимическим работам, руководимым Евнеем Арстановичем, Госкомитет по изобретениям выдал около 15 положительных решений и авторских свидетельств СССР. Это свидетельствует о том, что работы имели мировую научную новизну. За оригинальное решение проблемы определения фосфора из сложных фосфорсодержащих систем Госкомизобретений СССР авторскому свидетельству присвоил имя авторов и оно имеет название "Способ Букетова-Баешева". Часть результатов опубликована в докладах АН СССР.

Трудно представить, что нет среди нас нашего большого учителя Евнея Арстановича, очень трудно согласиться с этим. Но его мысли и идеи живут и продолжают. Мы, ученики Евнея Арстановича, гордимся тем, что имели возможность работать с ним, могли учиться у него. Мы постараемся осуществить и довести до конца все замыслы нашего Евнея Арстановича.

Сайлаубек БАЙСАНОВ

В НАУЧНОМ ПОИСКЕ

С Евнеем Арстановичем впервые встретился я через два года после института, осенью 1976 года, когда поступал к

нему в аспирантуру. Предварительно с руководителем лаборатории Т.Г. Габдуллиним были обговорены тема и объем работы. Работа нам виделась как технологическая, в основном, была направлена на решение проблемы одного месторождения марганцевых руд Казахстана. Но первая же встреча с Букетовым, если честно признаться, полностью разрушила мои представления о предстоящей работе. Теперь, конечно, трудно себе представить, какво было тогда мое состояние. Помню лишь одно, что настроение было никудашным. Во-первых, вроде бы ясный план исследований был забракован, а, во-вторых, та задача, которая была предложена Евнеем Арстановичем (рекомендовал он изучить поведение марганца при высокотемпературной плавке и на их основе подойти к решению проблем руд), представлялась совершенно туманно.

Тем не менее, через месяц пошел к нему с кое-как составленным новым планом, который должен был отразить этапы решения задачи. По всей видимости, и в этот раз у меня вышла осечка. Евней Арстанович молча вернул мой план исследований и говорит: даю тебе полгода, разберись, как ведет себя марганец в условиях электроплавки, и выясни, какие неясности в этом вопросе, когда разберешься, тогда можно будет взяться и за план, и за работу.

Теперь, конечно, понимаю, что так он хотел в первую очередь научить искать и исследовать. Евней Арстанович вникал в каждое уравнение, обоснованность каждого предложения и вывода. В результате более двух лет мы затратили на обобщение полученных данных. Помню, несколько раз он мне говорил: "Ты, Сайлау, наверное, думаешь, почему меня этот старик держит, не выпускает, все дотошно вникает в детали? Но, поверь, все это потом тебе пригодится, спасибо мне скажешь потом".

Работая с Букетовым, я понял, что такое наука и научный поиск, научился преодолевать трудности.

И тут мне хочется коснуться тех идей, направлений исследований, которые разрабатывались под руководством Евнея Арстановича в последние годы его жизни. Речь веду о проблемах получения нефти из углей с привлечением металлургических процессов.

Как мы все знаем, черная металлургия является материалоёмким производством, где основным источником энергии является энергия металлургического кокса. При этом в процессе сжигания его выбрасывается в атмосферу ежегод-

по огромное количество газов, содержащих в большей части монооксид и диоксид углерода. В свое время несколько сотрудников нашего института были вовлечены в работу областной комиссии по проверке состояния использования отходов и вторичных ресурсов на Карагандинском металлургическом комбинате. Работая в составе этой комиссии, мы установили, что только один доменный цех потребляет ежегодно свыше 26 миллионов тонн материалов в виде железорудного сырья, флюсов, кокса, включая и воздух. При этом в атмосферу выбрасывается свыше 7 миллионов тонн отработанного газа с 30-35% диоксида углерода, то есть ежегодно в атмосфере теряется более 2 миллионов тонн диоксида. Кроме того, более 7 миллионов тонн доменного газа с содержанием монооксида углерода попадает в атмосферу, а еще такой же газ в количестве более двух миллионов тонн просто теряется. Это только по доменному цеху. Если учесть, что мы имеем ферросплавные заводы, где отходящие газы, содержащие почти 90% монооксида углерода, просто сжигаются, то можно убедиться, в каком огромном количестве в целом по металлургическому производству мы теряем неиспользованным монооксид углерода. Хотя этот газ можно было бы использовать при получении метанола в химической промышленности. А, как известно, для получения метанола в основном используется синтез газ, получаемый при газификации углей, т.е. используя углеродистое топливо (уголь, кокс) в одной отрасли, мы просто выбрасываем в атмосферу многие миллионы тонн монооксида углерода, тогда как с целью получения этого же газа для нужд химической промышленности мы где-то сжигаем дополнительное количество угля, причем не в меньшем количестве.

Именно учитывая все это, Евсей Арстанович усиленно разрабатывал возможность состыковки большой металлургии с большой химией. Работа над этой проблемой начиналась с разработки различных вариантов схем подлинно безотходного производства, в котором, по замыслу Евнея Арстановича, должны быть интегрированы самые крупные отрасли промышленности, такие, как химическая и металлургическая, а также ряд других, в частности, и ферросплавная.

Нами непосредственно разрабатывалась одна из двух металлургических ветвей идей, а именно: получение крем-

нистых марок ферросплавов, чугунов из отходов производства и некондиционного металлургического сырья с использованием низкосортных углеродистых восстановителей. А получение водорода продувкой кремнийсодержащих железистых расплавов, чугунов паром (как это делается, например, при производстве томасовской стали), то есть вторая металлургическая ветвь идей Евнея Арстановича, - все это было объектом другой группы исследователей. Третья ветвь - получение нефти из углей с применением кремний-алюминий содержащих сплавов, синтез углеводородов из водорода и окиси углерода - разрабатывалась группой ожижения углей, которая работала непосредственно под руководством Евнея Арстановича.

Разрабатывая технологию выплавки сплавов из золы углей, мы столкнулись с очень большой трудностью. Вначале у нас ничего не получалось. Где бы ни плавил золу совместно с восстановителем, как бы этот процесс ни осуществляли, у нас то не получалось ни грамма металла (хотя весь исходный материал израсходовался, т.е. шихта просто испарялась), то шихта спекалась, накапливалась в реакционной зоне. Вот так мы мучились в течение почти 5-ти месяцев и только на шестой месяц у нас как-то случайно получилось. При этом оказалось, что более полное восстановление элементов из сырья и более нормальные условия для формирования сплава создаются только при определенных соотношениях углерода к восстанавливаемым элементам в шихте с одной стороны, и только при определенных отношениях кремния к алюминию в получаемом сплаве с другой.

Тогда Евней Арстанович лежал в больнице. Когда мы к нему пришли и рассказали о результатах (до этого мы никак не решились прийти к нему, т.к. не было у нас ни одного положительного результата, и чтобы не расстраивать его, мы избегали встречи с ним), он очень обрадовался и сказал: "Хорошо, что у вас раньше не получалось ничего. Если бы все было нормально и получилось бы быстро, то у вас отношение к делу сложилось бы легким, поверхностным. Теперь знаете, как трудно осваивать новое, разрабатывать новый процесс, как труден поиск, и теперь у вас отношение к нему будет уже иным, более основательным, серьезным".

Тогда сразу же возник вопрос: почему это так, из-за чего процесс восстановления кремния и алюминия из золы углей успешно протекает только при определенных соотношениях

реагирующих элементов. Ответ надо было искать в кинетике и энергетике процесса. Так как у нас тогда не было соответствующего оборудования, установки по изучению кинетики сложных процессов и не было методики расшифровки таких данных, Евней Арстанович направил нас искать ответ на эти вопросы в термодинамике процесса. При этом рекомендовал использовать термодинамически-диаграммный анализ при изучении процессов как в шлаковых, так и в металлических фазах. Поскольку только при совместном рассмотрении термодинамики шлаков и металлов можно было дать более-менее полное объяснение данному результату. Естественно, такая задача была намного сложнее тех, которыми мы раньше занимались, но мы смело взяли за ее решение.

Сила убеждения Евнея Арстановича была такова, что слушателя он всегда умел ориентировать, найти в любом бесконечно безвыходном деле хоть какой-нибудь просвет, через который можно было выйти к успешной реализации поставленной цели. Именно такая работа, работа, в которой сразу же, в самом начале, ставилась трудноразрешимая задача, работа, в успешном завершении которой у нас было больше уверенности, когда был рядом Евней Арстанович, его советы, всегда была интересной, люди трудились, можно сказать, с горением. Он всегда говорил о правильности, необходимости того пути в физико-химическом анализе многокомпонентных систем, пути, где в качестве мощного средства используется термодинамически-диаграммный метод, хотя мы, исполнители, сами работая непосредственно в этом направлении, тогда еще не полностью осознавали все преимущества избранного пути. С другой стороны, это направление некоторыми учеными, работниками в области физико-химического анализа многокомпонентных расплавов считалось вообще-то тупиковым, малоперспективным.

Вот когда мы начинали разрабатывать данный вопрос под руководством Евнея Арстановича, первое, что мы установили, это было наличие принципа кратких соотношений в диаграммах состояния многокомпонентных систем.

Ознакомившись с данными результатами, Евней Арстанович ориентировал нас на использование этих результатов для математического описания полей кристаллизации соединений, чтобы затем можно было из этих данных путем расшифровки получить термодинамические функции смешения компонентов в многокомпонентных расплавах. Имея

только такие данные, можно было объяснить такие явления, которые, например, были установлены в случае получения ферросиликоалюминия.

Сейчас, спустя уже несколько лет, можно с большей уверенностью говорить, что работа в данном направлении удалась. Получены важные результаты. Конечно, даются они нелегко. Но отношение наше к этой работе теперь, действительно, более серьезное и основательное, как говорил Евней Арстанович, обнаружены очень интересные закономерности в диаграммах состояния квазитройных, квазибинарных сечений многокомпонентных металлических и оксидных систем, одновременно открылась определенная перспектива в решении труднейшей на сегодня физико-химической проблемы - математической проблемы диаграмм состояния.

Казалось бы, над сказанной проблемой Евней Арстанович работал и руководил не так-то долго, всего 2-3 года. Но состояние дел за короткий промежуток тогда и дальнейшее развитие его идей в области черной металлургии сейчас, говорит о дальновидности Евнея Арстановича, даже трудно себе представить, добились бы мы таких результатов в таком грудном деле, если бы не его острый ум и умение правильно ориентировать молодых ученых, целые коллективы на перспективный путь в научном поиске.

Алексей ПЕРЕВЕРТУН

Я СЧАСТЛИВ, ЧТО ЗНАЛ БУКЕТОВА

Мне в жизни везло. Много прекрасных, добрых, честных, талантливых, широко известных людей довелось встретить. Талантливые, гениальные далеко не всегда были добры и честны. Добрые и частные не всегда были гениальны.

В спектральную лабораторию кафедры физики Казахского горно-металлургического института часто заходили аспиранты и научные сотрудники. Схема разговора отработана - несколько анекдотов о приеме Сталиным испанских иллюзионистов, самые последние известия по институту и только после традиционного вступления заходил разговор о деле. Начинали с вопроса:

- Можно сделать спектральный анализ этого образца? Предъявляли минерал, порошок, металл или металлометрическую пробу.

- А что Вам нужно определить?
- Все, что там есть!
- Мы делаем качественный анализ металлометрических проб на двенадцать четыре элемента, а у Вас металл. Нужны эталоны!

- А Вы сделайте как-нибудь!

Как-нибудь делали, и самое удивительное, что результаты почти всегда устраивали. Иначе было на этот раз. Вошел юноша, которого я много раз видел, но не был с ним знаком, и на чистейшем русском языке попросил разрешения проконсультироваться по возможностям спектрального анализа. Состоялся более чем трехчасовой "допрос с пристрастием", который показал его знание методики химических анализов вообще и спектрального в частности. Наши беседы стали систематическими. Так в конце декабря 1951 года возникла дружба с аспирантом-металлургом Евнеем Букетовым.

Многое в анализе пришлось в результате бесед продумать заново. Анализы велись совместно. Нет-нет! Спектры снимались и расшифровывались мной. А методику анализа, подготовку эталонов делали вместе. С первых встреч этот умный и грамотный аспирант пробудил во мне к себе глубокую симпатию. Впоследствии я наблюдал, как часто у совершенно незнакомых людей с первых минут знакомства он вызывал чувство уважения и любви. Он не был ангелом. Требовательный, даже жестокий, в первую очередь к себе, он казался самоуверенным и заносчивым, а на самом деле был легко ранимым человеком, преданным другом, умевшим нежно и глубоко любить. Дети льнули к нему. Детей обмануть невозможно! Он был добрым, умным, прекрасным и талантливым человеком, с удивительно разносторонними дарованиями. Сам себя он не считал талантливым. Он часто говорил, что талант разносторонен. Приводил много примеров: Ч.Валиханов и А.Пушкин прекрасно рисовали. Бородин писал музыку, а Менделеев делал чемоданы. Сам же он не рисовал, не музицировал и не делал чемоданов - где уж тут быть таланту. Окружающие видели в нем талант общения с людьми и талант металлурга и филолога.

Букетов Евней Арстанович - самый талантливый, самый значительный человек, с которым меня свела жизнь. Я счастлив, что знал Букетова, что тридцать два года общался с ним, бывал в обществе его товарищей по работе, друзей по творческому труду, близких и родных. Эти люди были

разными и по способностям, и по характеру, но все они искренне уважали и любили Евнея Арстаповича.

С друзьями он был мягок, даже нежен, но мог быть и беспощадно ироничным. Любил давать прозвища. Некоторые из прозвищ надолго становились именами. Очень высоко в людях Евней ценил чувство благодарности. Внимательно относился не только к друзьям, но и к их родственникам, и к друзьям друзей. Я удивлялся тому благоговению, той нежности, тому восторгу, с каким он относился к своим талантливым друзьям. Но он был непримирим и даже агрессивен по отношению к тем людям, которых считал недостойными. Я много усилий потратил, чтобы сдружить его с одним очень энергичным и талантливым человеком. Этот человек был ему нужен, но Евней не смог побороть себя. Дружба не состоялась. Он легко сходилась на деловой основе. Легко вступал в творческие контакты. Многие, считающие себя его друзьями, для него таковыми не были. Был щедр. Дом и стол были открытыми! Но копейку бросать не любил - называл это крестьянской прижимистостью. Он легко мог отдать крупную сумму, но расчет по мелочам его раздражал.

Любил степь и воду. С удовольствием ездил в лес - на опушку. Глухого леса не любил.

Свое отношение к жизни, к людям, к проблемам этики и морали он вложил в уста К.Сатпаева, Ч.Валиханова. Исторический фон не мешает видеть его личные взгляды. Если произведения Букетова увидят свет, то молодежь, все люди получают прекрасные образцы этических, нравственных, человеческих норм. "Время светлой судьбы" - искренняя исповедь. В ней нет кокетства, нет самобичевания. Он думал так, как писал. О людях он говорил искренне - он не судил о людях по чужим рассказам - только по личному опыту. Очень ценил юмор как проявление ума. Понимал, что посредственности имеют право на жизнь, но не хотел терпеть их вокруг себя. Женщины тоже льнули к Евнею Арстановичу. Его деликатность, стремление не обидеть создавали ему трудности общения с женщинами. Так возникали жестокие вразли. Люди не понимали, что он однолюб. Хорошее отношение, легкость общения принимались за то, чего в нем никогда не было. Продолжались и нежные письма, и устные объяснения. Сколько они ему приносили неприятностей!

Интересные беседы велись наедине. В компании он с удовольствием читал Есенина, Маяковского, Хаяма, беседовал о литературе, истории. Слушал сплетни - если они не были злопыхательскими. Только наедине он говорил о жизни, о религии, о смерти. В последние годы его глубоко интересовала психология и физиология смерти.

Мы обвиняли его в пессимизме. Он говорил, что думает использовать идею смерти как литературный прием, когда герой (К.И.Сатпаев) в смертный час видит всю свою жизнь, видит главное, объективно оценивая события и людей. Мне кажется, что интерес Евнея Арстановича к смерти был не только творческий. Он хорошо знал состояние своего здоровья. Но никогда не позволял себе расслабиться. В тяжелейшем состоянии, в больнице он переводил Шекспира, Есенина, писал сам. Он активно боролся! Он не был пессимистом!

Марк УГОРЕЦ

ЕВНЕЙ АРСТАНОВИЧ И ХАЛЬКОГЕНЫ

Самым значительным делом жизни Евнея Арстановича Букетова было основанное им научное направление в области химии и технологии халькогенов, в первую очередь, селена и теллура. Академия наук СССР, отмечая вклад Е.А.Букетова и его школы, узаконила проведение в Караганде ныне широко известных Всесоюзных совещаний в этой области.

Все исследователи, с которыми мы в разное время говорили совсем в неофициальной обстановке, совершенно искренне отмечали заслуги Е.А.Букетова в этой области химии.

Как же начиналось и развивалось это, вероятно, самое большое и постоянное научное увлечение Е.А.Букетова?

Интерес к халькогенам возник у него в 1957-1958 гг., когда он, работая в КазГМИ (ныне КазПТИ), со студентами-металлургами бывал на заводах, перерабатывающих медьэлектродитные шламы - самый важный источник селена и теллура. Это были два завода: Пышминский и Кыштымский медьэлектродитные заводы. Они работали по громоздким пирометаллургическим схемам с примитивным оборудованием, с избытком ручного труда и загазованной атмосферой цехов. По-видимому, немаловажное значение

сыграло и то, что в это время решался вопрос о строительстве в Казахстане или Средней Азии нового цеха по переработке медьэлектролитных шламов.

И вот в конце 1957 года он привлек к работе в этом направлении нескольких студентов 4-го курса, в том числе и меня. Для нас было большой честью работать под руководством проректора института, доцента, кандидата технических наук Е.А.Букетова. Мы увлеклись работой. Лаборатория находилась в подвальном помещении, работали по 12-14 часов в сутки. Нам, конечно, очень помогали постоянный интерес и увлеченность самого Евнея Арстановича. Потом в 1959 году была наша общая статья с академиком Виктором Дмитриевичем Пономаревым и Евнеем Арстановичем в республиканском журнале. Она была посвящена изучению спекательного обжига медьэлектролитных шламов с содой в аппарате, приближающемся к печи "КС". И для Букетова это была одна из первых статей по селену и теллуру. Мне кажется, что вот там, в КазПТИ, у него и зародилось то направление по халькогенам, которое получило развитие уже в ХМИ АН КазССР, куда Букетов был назначен директором в феврале 1960 года.

Если мне не изменяет память, первой работой в ХМИ в этой области было исследование термического разложения селенита цинка и взаимодействия оксида цинка и диоксида селена. Было это в 1960-1961 гг. Делалось оно нами (вместе с Р.А.Мулдагалиевой) на самодельном пирометре Курнакова под экспериментальной эгидой Хамзы Ахмедовича Исакова, органика по специальности, с которым у Букетова были очень теплые дружеские отношения.

Но уже в 1961 году Букетов определил здесь два направления работ по химии и технологии селена и теллура и в первую очередь извлечения их из медьэлектролитных шламов. Первое - совершенствование применяемых на практике пирометаллургических методов: спекания шламов с содой и обжига шламов с отгонкой диоксида селена. Эти работы были начаты тогда молодым специалистом В.П.Малышевым и получили широкое развитие. Второе направление - разработку новых, гидрOMETаллургических щелочных методов извлечения селена и теллура из медьэлектролитных шламов - Евней Арстанович возложил на меня и приехавших немного позже Х.И.Байкенова и О.Ю.Моисеевич. Вот так и начались гидрохимические работы по селену и теллуру.

И здесь нам вначале помогли химики-органики И.Н.Азербает и И.В.Кирилос. Отдали нам вращающийся автоклав. По тем временам это уже было богатство. Я помню, как все мы радовались этому приобретению и в первую очередь сам Евней Арстанович. Ведь мы могли работать с растворами щелочей, с подачей любого газа, и том числе кислорода. Начались технологические опыты. Основные усилия мы направили на окислительное щелочное выщелачивание соединений селена и теллура с переводом их в раствор.

Здесь хотелось упомянуть два момента. Во-первых, отметить удивительную научную интуицию Евнея Арстановича. Через 1-2 года из литературы мы узнали, что одновременно с нами подобные работы делались и в Англии, США, Канаде. И второе - его черту учиться и искать, сомневаться и опять учиться. Пример: мы обнаружили, что без подачи кислорода в раствор в окисленной форме переходит подавляющая часть теллура. Это было нам непонятно. И вот, были мы с Евнеем Арстановичем в Джекказгане в 1961 году. Был там и академик Андриан Лукьянович Цефт. Евней Арстанович, видимо, между прочим, заговорил с ним и об этом. И академик-то подсказал, что это может объясняться окислительными свойствами оксида и гидроксида меди. Евней Арстанович пришел к нам в гостиницу и, мне помнится, с радостью и волнением рассказал нам о предложении академика - ведь это было объяснением непонятного.

А исследования окислительных свойств оксида меди по отношению к селену и теллуру стали одной из наших глубоких привязанностей. Действительно, медь оказалась мягким, но кинетически сильным окислителем халькогенов. Особенно привлекало то, что селен и теллур окислялись ею только до халькогенита, но не халькогената. Это было очень важно. Мы так увлеклись поведением оксида и гидроксида меди в водной щелочной среде, что К.М.Ахметов сделал на эту тему диссертацию, а втроем мы опубликовали книжку.

Эти исследования были оригинальны в значительной степени потому, что мы впервые использовали ДТА в автоклавах. Этот, так называемый метод АДТА далее применяли мы и для других объектов, его используют и в других институтах.

Много внимания Евней Арстанович уделял, конечно, окислению соединений селена и теллура кислородом. Это были работы Х.И.Байкенова (диссертация в 1968 г.), О.И.Се-

ишой (диссертация в 1974 г.) и З.Б.Сагиддыковой (1984 г.). Наиболее интересные результаты здесь связаны с возможностью селективного растворения теллура, затем селена, ступенчатым каталитическим их окислением и т.д. Нами было показано, что, к сожалению, нельзя предотвратить образование селена. Это осложняло получение товарного продукта по существующим схемам. Поэтому по инициативе Евнея Арстановича были начаты (1962-1963 гг.) и успешно проведены исследования по восстановлению селена и теллура из высших степеней окисления в автоклавных условиях. Это - диссертации А.А.Кожачковой, А.В.Емелиной и Р.И.Пелюкпашиди. Интересные исследования по взаимодействию халькогенов со щелочными растворами с использованием АДТА были выполнены К.Т.Рустембековым.

В целом, все эти наши исследования были достаточно оригинальны, в Союзе подобных работ не было и, можно сказать, они были признаны, например, попали в учебники по химии и технологии редких и рассеянных элементов. Но реализовать на практике автоклавные методы не удалось. Лишь из литературы уже в 1982 году стало известно, что автоклавное щелочное выщелачивание медьэлектродлитных шламов в конце 70-х годов осуществлено в ГДР, причем со ссылкой на наши работы. Узнав об этом, Евней Арстанович очень был рад...

Интересная ситуация возникла с электрохимическим растворением селенидов и теллуридов металлов и вообще с электровыщелачиванием шламов. Первую попытку анодного электровыщелачивания медьэлектродлитных шламов мы предприняли еще в 1963 году. Но однозначного результата не получили, а окислительные автоклавные методы были в начале успехов, поэтому электрохимические опыты прекратили. Я сейчас думаю, что дело было, конечно, не только в этом. А и в том, что тогда у Евнея Арстановича не было, по существу, ни опыта электрохимических исследований, ни квалифицированных электрохимиков в его окружении. Электрохимическая группа появилась после 1964-1965 гг., и хотя занималась она больше анодными и катодными процессами на меди под углом зрения электрохимического рафинирования, все-таки приобретался опыт и знания. Были защищены электрохимические диссертации Г.В.Макаровым (1970 г.), Л. Г. Козориным (1975 г.), А.Баешевым (1977 г.), Д.З.Сулейменовой (1981 г.).

В том, что мы в 1973-1974 годах возвратились к электровыщелачиванию медьэлектролитных шламов для извлечения селена и теллура, большая заслуга принадлежит А.И.Костикову. В частности, мы получили 2 авторских свидетельства СССР по анодному и катодному выщелачиванию шламов для извлечения селена. Увлеченность Евнея Арстановича этим направлением была очень велика. Всем нам тогда казалось, что мы совсем близки к реализации самого идеального и рентабельного способа переработки шламов. Очень много усилий Евней Арстанович затратил для организации полупромышленных испытаний на АГМК: сам он, будучи ректором КарГУ, несмотря на огромную занятость, побывал с нами в Алмалыке на АГМК. Такие испытания мы провели в 1975-1976 гг. Они были успешны, но аппарат - электролизер для выщелачивания был далек от совершенства. Лишь позже совместно с СКБ МЦМ СССР мы создали такой аппарат, Евней Арстанович же был свидетелем лишь начала решения этого вопроса.

Работая с медьэлектролитными шламами, мы, конечно, знали о проблемах электролитического рафинирования меди. И вот в 1969-1970 гг. по инициативе Евнея Арстановича мы взялись за проблему вывода примесей, в первую очередь мышьяка, сурьмы и никеля из электролита рафинирования. Определенные успехи и здесь были достигнуты, а в плане реализации - существенно больше, чем с халькогенами. В этом направлении под руководством Евнея Арстановича были защищены диссертации С.Н.Новик (1974 г.), М.Ш.Шариповым (1976 г.), С.Е.Дюсембаевой (1979 г.), А.В.Стряпковым (1981 г.), А.Жарменовым (1982 г.). Это направление в ХМИ продолжает развиваться. В 1978 году академик В.И.Спицын на первом Всесоюзном совещании по халькогенам предложил мышьяк занести в число халькогенов...

Несмотря на то, что в последние годы у Евнея Арстановича появились совершенно новые научные интересы, когда заходил разговор о халькогенах, он вновь загорался интересом к ним, как и в те, теперь уже далекие 60-70-е годы.

Вот уже несколько лет, как нет с нами Евнея Арстановича, но мы и сейчас постоянно ощущаем, как его нам не хватает: ведь в дни трудностей и сомнений всегда обращались к нему за помощью и мудрым советом, а в дни удач тоже спешили к нему, т.к. знали, как он умеет радоваться нашим успехам. Передо мною постоянно стоит его умный

и всепонимающий, с некоторой долей юмора, доброжелательный взгляд.

Думаю, что лучшей памятью ему будет наша работа, новые результаты, новые успехи, в частности и в области любимых им халькогенов.

Владимир БРЕННЕР

ТАКИМ ОН БЫЛ, ТАКИМ ОСТАЛСЯ В СЕРДЦАХ ЛЮДЕЙ

Я часто задумываюсь, при каких условиях и обстоятельствах возникают дружеские отношения, что цементирует и выковывает друзей. Наши с Евнеем Арстановичем жизненные пути, казалось бы, находились на разных орбитах. Я - уроженец Украины, из семьи служащего - посвятил свою деятельность горной промышленности. Евней Арстанович - уроженец Северного Казахстана, из семьи крестьянина - связал судьбу с цветной металлургией.

Впервые мы познакомились в начале пятидесятых годов в Академии наук Казахской ССР. Оба учились в аспирантуре. Нам был поручен выпуск стенной газеты. Это был период борьбы с космополитизмом, что накладывало на меня как главного редактора газеты особую ответственность, ибо один мой неверный шаг мог стоить мне пребывания в аспирантуре. Не обладая литературным талантом, я очень беспокоился за качественное выполнение порученной работы. Судьба послала мне Евнея Арстановича, который, кроме незаурядных профессиональных знаний, обладал прекрасными литературными способностями. Не знаю, понял ли он мое душевное состояние, но его активная деятельность и бескорыстное отношение обеспечили успех газете и сняли мои опасения. Выходец от "сохи", он прекрасно разбирался в русской и казахской литературе, обладал большой эрудицией и, главное, высокими душевными человеческими качествами, что особенно проявилось в последующий период нашей дружбы.

Эта первая вспышка нашего знакомства продолжалась недолго. После окончания аспирантуры он остался в Алма-Ате в Казахском политехническом институте, я был направлен в Караганду. Пятидесятые годы были периодом бурного расцвета науки в Казахстане. Во многом это определялось стремительным развитием горнодобывающей промышлен-

ности республики, а также тем, что во главе казахской науки стоял выдающийся ученый, блестящий организатор, академик Сатпаев К.И. Его стараниями Караганда, как центр бурно развивающейся горнодобывающей промышленности превратился в крупный научный регион. Наряду с развитием институтов, обслуживающих угольную и горнодобывающую промышленность, в начале шестидесятых годов город обогатился академическим институтом по черной и цветной металлургии. Научным руководителем этого института (в последующем и директором) был назначен Евней Арстанович. В это время он, как сложившийся ученый, руководил наукой в Казахском политехническом институте, имел стабильную базу для дальнейшего творческого роста, хорошо устроенный быт. Я думаю, что мало кто в сложившейся ситуации ушел от достигнутого и начал бы новую жизнь со многими неизвестными: выбор научных направлений, создание научной школы, строительство производственной базы, жилья. Единственно, что было положительным, это приближение его научной деятельности к будущему металлургии Казахстана, а также возможность проявить свои способности в самостоятельном деле. И он выбрал этот путь. И когда им были решены эти сложные задачи, был организован институт, занявший ведущее место в Союзе, и можно было больше уделить время личным интересам, в Караганде организовывается университет. Евней Арстанович становится его первым ректором. И в этом весь Букетов Е.А., который на первый план ставил интересы нашего общества, а затем - личное. В этот период он защитил докторскую диссертацию, ему была присуждена Государственная премия СССР, он был избран членом-корреспондентом, а затем академиком Академии наук Казахской ССР. Он систематически публиковал свои литературные произведения. Его литературная деятельность была отмечена избранием в члены Союза писателей.

Возвращение в Караганду Евнея Арстановича послужило дальнейшим развитием наших отношений, переросших в дружбу до последних дней его жизни. Более чем 20-летний период близких отношений оставил у меня самые лучшие воспоминания о Евнее Арстановиче. Его жизнь - пример тех огромных возможностей, которые заложены в нашей стране для развития личности, его способностей независимо от социального происхождения. С другой стороны, в ней отражены все те негативные тенденции культа личности и

периода застоя, которые по мановению "палочки" руководителей республиканской партийной организации свели на нет всю титаническую работу Евнея и, более того, ускорили его уход из жизни. Zenит его славы наступил после успешной организации работы университета. В сравнительно короткий срок была создана база, начато строительство студенческого городка, успешно функционировал коллектив ученых и педагогов. Евней Арстанович после нескольких попыток был допущен в академики, им были изданы несколько литературных произведений, нашедших положительный отклик общественности. Евней Арстанович как ученый, педагог и общественный деятель занимал ведущее место не только в области, но и в республике и Союзе. В это время руководство Академией наук КазССР осуществлял брат Д.Кунаева Аскар - безынициативный, не имевший своего лица ученый, практически уничтоживший Академию наук как научный центр. Вероятно, он почувствовал в Евнее конкурента. Он начал разнузданную кампанию, используя имя брата и органы печати, включая даже молодежную. Не хочется вспоминать его грязные методы, которые не достойны имени просто порядочного человека. Зато внешне все выглядело достойно! Евнея Арстановича освободили по собственному желанию, создали ему нормальные материальные условия, переведя ст.научным сотрудником института, который он создал: выделили машину, особняк и полностью отключили от дела. Пятидесятилетний, творчески активный специалист, полный сил и энергии, не мыслящий свою жизнь без дела в обществе остается вне общества! Результат - смерть! Позволю себе остановиться на отдельных вехах его жизни, представляющих, на мой взгляд, интерес для общественности.

Прежде всего его огромная работоспособность и умение сочетать различные виды деятельности. Так случилось, что в начале 1960 года мы параллельно занимались становлением новых институтов. В это время я был назначен научным руководителем вновь организованного института "Гипроуглегормаш" по созданию горной техники и поэтому могу объективно оценить ту огромную работу, которую необходимо было затратить на становление института. Но если моя задача была несколько упрощена, ибо в Караганде уже были специалисты требуемого профиля деятельности, то в металлургии все начиналось с нуля. Его личное обаяние, умение найти подход к людям, объективность помогали ему в

решении сложных организационных задач. Я всегда поражался его умению планировать свое рабочее время, как будто сутки у него были вдвое длиннее, и вместе с тем я не помню случая, чтобы он не откликнулся на просьбу о встрече. И самое поразительное, что его творческая активность от этого не снижалась. Бесконечные идеи, научные труды, повести, рассказы, стихи и полное знание новинок литературы, техники, умение вникнуть в проблемы смежных отраслей. В личных беседах он неоднократно поднимал вопросы, которые сегодня являются базой перестройки. Сколько энергии и сил отдавал он вопросам экологии на предприятиях цветной и черной металлургии, перестройки Академии наук КазССР. Он считал, что до тех пор, пока будет существовать рента для академиков и членов-корреспондентов, ждать притока творческих сил невозможно. Интересная мысль, достойная сегодняшнего дня.

Евней Арстанович, являясь ярким представителем казахского народа, много давший для его просвещения, любивший его традиции и неуклонно их исполнявший, был интернационалистом в полном смысле этого слова. Мы неоднократно вели беседы о судьбах молодежи, о направлениях совершенства подготовки кадров. В период застоя в вузах республики процветал националистический подход, отражающий создание особых условий для лиц местной национальности. С первого взгляда он позволял привлечь менее подготовленных к учебе лиц и увеличить прослойку казахов среди интеллигенции. Если в первые годы советской власти такой подход был необходим, то в дальнейшем начали проявляться отрицательные тенденции, и в первую очередь низкий уровень профессиональной подготовки. Он считал, что равноправие в получении знаний - основа нашего развития. Этой аксиомы он четко придерживался в своей деятельности на посту ректора. Мне приходилось неоднократно присутствовать при решении судьбы отдельных преподавателей и студентов, не отвечавших по своим данным требованиям ВУЗа. Звонки авторитетных лиц, национальный вопрос, запугивание, шантаж и др. воздействия не влияли на выработанную им линию на создание высококвалифицированного коллектива. Сколько такта и мужества проявлял при этом Евней Арстанович, но редко когда отходил от принципиальных позиций.

Насколько мне известно, в 60-70-х годах не было случая присуждения Ленинской стипендии студентам еврейской национальности. Это мог сделать только Евней Арстанович.

И вместе с тем Евней Арстанович является достойным сыном своего народа, носителем и почитателем его традиций. Как он любил рассказывать легенды казахского народа, очень много знал о жизни его великих сынов, много приложил сил и знаний для подготовки национальных кадров в науке и литературе. Я помню наше посещение казахской свадьбы в одном из аулов Каркаралинского района. Для меня были новыми те обряды, которые сопровождают свадьбу, и были моменты, когда я не знал, как себя вести. С тактом, достойным друга, он какими-то неуловимыми движениями вел меня по правильному пути. Но больше всего меня поразило поведение самого Евнея. Этот уже признанный лидер при общении с аксакалами напоминал послушного ученика, готового выполнить любые указания старших. Да, прекрасны традиции, заслуживающие подражания! Самые теплые воспоминания остались у меня от совместного посещения Целиноградского казахского драматического театра, где ставилась "Леди Макбет" В.Шекспира в переводе Евнея Арстановича. В этот день разыгралась сильная метель, что ставило под сомнение нашу поездку. Все попытки отменить поездку в Целиноград на машине Евнеем Арстановичем были пресечены. Переход был действительно тяжелым, несколько раз нас выручал встречный транспорт, но к началу спектакля мы прибыли в театр. Я, конечно, не могу судить о достоинствах перевода. Могу лишь констатировать, что я, при плохом знании языка, ощутил всю глубину данной трагедии. Да и реакция зала, кстати, несмотря на плохую погоду, заполненного до отказа, была неоднозначно положительна. Радости Евнея Арстановича не было предела. Мне же было приятно видеть, каким почетом и уважением он пользовался в театральном мире, среди зрителей.

Воспоминания об Евнее Арстановиче всколыхнули во мне то сложное, но счастливое время пребывания на казахской земле, которая взрастила меня как ученого и человека, на всю жизнь сохранила во мне чувства любви и благодарности к казахскому народу. И частицей этого явилось мое общение и дружба с великим сыном казахского народа, академиком, доктором технических наук, лауреатом Госу-

дарственной премии, профессором Букетовым Евнеем Арстановичем.

Галина ЧЕРНОГОЛОВИНА

ЧУТКОЕ ПОНИМАНИЕ СТИХОВ...

На моей памяти Евней Арстанович Букетов появился в редакции журнала "Простор" во второй половине шестидесятых годов (я тогда работала заместителем главного редактора). В то время на "Простор" и его главного редактора И.П.Шухова начались гонения, связанные с независимым курсом журнала, с публикацией произведений авторов, репрессированных во времена сталинского культа. Вспоминаю, как переживал Евней Арстанович, но ничем не мог помочь журналу, хотя была запрещена публикация подборки стихов большого казахского поэта Магжана Жумабаева, а журнал и его редактор были обвинены в "пособничестве казахскому национализму". Евней Арстанович, как мог, старался поддержать журнал. Его статьи о Пушкине, о Маяковском были проникнуты духом подлинного интернационализма.

Мне не приходилось много разговаривать с Евнеем Арстановичем, особенно близок он был с Алексеем Семеновичем Беляниновым, Юрием Михайловичем Гертом, который бывал у него в Караганде и переписывался с ним. Но даже от нескольких встреч с Евнеем Арстановичем у меня осталось впечатление о нем как об очень душевном, глубоко культурном человеке. Интересна такая деталь: свои симпатии к "Простору", к его работникам Евней Арстанович сохранил надолго. Впоследствии, когда мой муж Бобылев Геннадий Александрович, собственный корреспондент "Учительской газеты", поехал в командировку в Караганду, я передала с ним привет Евнею Арстановичу, в то время ректору Карагандинского университета. Евней Арстанович, хотя и не был до того знаком с Бобылевым, встретил его как давнего друга, с такой теплотой и гостеприимством, на которые трудно было рассчитывать: пригласил его домой, помог в подготовке материала. Результатом их встреч были две статьи Е.А.Букетова о проблемах воспитания подрастающего поколения, опубликованные в "Учительской газете".

Когда мой муж вернулся из Караганды, я, естественно, спросила его, о чем же они беседовали с Евнеем Арстано-

вичем, когда он был у него в гостях. "О многом, - ответил он, - но самое главное - о поэзии. Такое чуткое понимание стихов - а Евней Арстанович мог читать их без конца - редко встретишь".

О том, горьком, что было на душе у Евнея Арстановича - о тогдашнем положении в казахстанской науке у них тоже шел разговор, но муж не стал его мне пересказывать. Впрочем, все ясно было и без слов - такой замечательный ученый, по сути, был сослан в Караганду, и впоследствии даже публикация его повести о юности Чокана Валиханова в "Просторе" вызвала "высочайшее" неудовольствие. Травля, которую вел В.Владимиров под псевдонимом Ю.Рощина, несомненно, ускорила кончину замечательного ученого.

Алексей БРАГИН

И ВСЕ-ТАКИ ОН ПОБЕДИЛ

В тот последний свой день он с неизменным своим четвероногим другом овчаркой вышел из дому подышать свежим декабрьским воздухом. Никто не знает, долго ли он гулял. Когда рухнул на землю, собака подбежала к проходящим людям и негромко завывала. Люди испуганно шарахались в сторону, не предполагая, естественно, что она просит о помощи своему хозяину. Когда же наконец к лежащему Евнею Арстановичу подошли, было уже поздно.

Букетов не дожил до шестидесяти лет года и трех месяцев...

Спору нет, богатырским здоровьем он не отличался. Но ничто не предвещало скорого конца этому рослому человеку, переполненному энергией. Я видел, как он стремительно и легко взбегал по мосткам строительных лесов будущего главного корпуса Карагандинского университета, как с наслаждением погружался в прохладную воду озера в Каркарах, как азартно спорил в ночь-полночь. Я знал, скорее, догадывался, с какой яростью он работал в области научных исследований и в области литературы. Он нисколько не щадил себя и как директор Химико-металлургического института Казахской Академии наук, и как ректор Карагандинского университета, на что ушло в общей сложности двадцать лет жизни.

Еще потребуется немало времени, чтобы определить место Евнея Букетова в истории казахской культуры. Но

можно утверждать и сейчас, что он шел путями Чокана и Капыша, учился у них, что именно Сатпаев поверил в способности молодого ученого, дав тогда ему, еще кандидату технических наук, путевку в Караганду, доверив пост организатора науки в этом экономическом регионе. Это было в шестидесятом, и меньше чем через десять лет Евней Арстанович получил Государственную премию СССР за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате.

Он не был кабинетным исследователем.

- Я - производственник, металлург, - по праву он говорил о себе, уже давно будучи академиком республиканской академии. Понятно, заботы ректора университета удаляли его от производства, но и в эти годы он сохранял связи с цветниками-металлургами Урала и Казахстана. Нелегко, да и не очень нужно измерять цифрами его вклад в производство. А разве "Способ Букетова-Баешева" (так и сказано в авторском свидетельстве, выданном союзной экспертизой) определения фосфора в сложных системах - это не вклад? А около 70 авторских свидетельств СССР и зарубежных патентов - это не вклад?

Он и практик, он и теоретик, он и - да позволено будет так сказать, - романтик химической металлургии.

Евней Арстанович достиг значительных высот, но мог бы подняться еще выше, сумей сполна реализовать свои возможности, свой талант, свои надежды. Но путь ему преградили непреодолимые барьеры.

У него был широкий шаг и широкие замыслы. Широчайшие горизонты открывались перед ним, человеком широкой души.

Один из его друзей сказал:

- Если он что-нибудь и любил в лесу, то широкие поляны. Лесные чащи его стесняли. Перелески, колки Северного Казахстана еще притягивали его, потому что там был аул Баганаты, где он родился, где прошли его детство и отрочество. Но зрелому Евнею Букетову больше всего по душе был степной простор.

Широкая натура, общительная натура! Представить Евнею Арстановича в одиночестве можно только за письменным столом или в лаборатории.

Жизнелюб, он прежде всего любит людей. Когда приезжал из Караганды в Алма-Ату, то и в Союзе писателей, и в

квартирах товарищей редко появлялся один. И говорил при этом:

- Я не хочу, чтобы вас мучила стенокардия, жалуйтесь только ему. Знакомьтесь, вылечит. Клянусь аллахом! И человек чудесный.

- Я привел к вам поэта, замечательное стихотворение написал. Поверьте вместе со мной в его поэтическую звезду.

- Неужели вы раньше не были знакомы с ним, так это же удивительный архитектор.

Обнаружив интересного человека - будь это ученый, преподаватель, литератор, - Евней Арстанович просто загорялся, стремился сразу же, не откладывая в долгий ящик, помочь ему проявить свой дар. Так, будучи ректором Карагандинского университета, с любовью, именно с любовью, отнесся он к пожилому доценту Николаю Георгиевичу Скопину, о котором не без холодка равнодушия отзывались некоторые его коллеги-зоологи. Мол, подумаешь, насекомыми занимается, все свое время отдает каким-то жесткокрылым жукам. Но как раз эта сосредоточенность и пленила Евнея Арстановича. Он разговорился с Николаем Георгиевичем, понял, как широко смотрит он на свои занятия, умело связывая существование своих жуков с общими экологическими условиями Центрального Казахстана, убедился, что эти жучки, как и мухи дрозофилы, над которыми так жестоко издевался Лысенко, нужны науке, в том числе науке о земледелии. В скромном интеллигентном человеке Букетов разглядел бескорыстного рыцаря науки, возвысил его авторитет на факультете, помог Скопину на склоне его лет защитить докторскую диссертацию.

Литературные портреты деятелей науки и культуры, как бы оставленные Евнеем Арстановичем в наследство молодым поколениям, написаны мастерски и с теплотой.

И опять: какая ширь интересов! От эссе, посвященного Дмитрию Ивановичу Менделееву, от поэзии периодической системы элементов до Мухтара Ауэзова, целой галереи выразительных рассказов о современниках. Перечитайте хотя бы очерк "Человек, родившийся на верблюде". Тут и главное действующее лицо очерка - доктор медицинских наук, профессор Ишанбай Каракулович Каракулов, тут и академик Каныш Имантаевич Сатпаев - пока это только эскиз, только набросок, потом Каныш станет его болью и радостью, как писал Евней Арстанович в одном из писем ко мне, а эскиз развернется в большое, к нашей горечи,

незавершенное повествование, автор нас познакомит и с академиком республиканской академии Михаилом Ильичом Усановичем, выдающимся ученым химиком, блестящим экспериментатором, беспредельно любящим химию, но не замыкающимся только в ней, на этих же страницах мы встретимся и с членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР Георгием Цораевичем Медоевым, неутомимым геологом; да разве всех перечислишь! Но вот что характерно: литературные портреты, созданные Букетовым, посвящены не только выдающимся деятелям-казахам. Здесь есть и русские люди, и татарин, и осетин, и еврей. Евней Арстанович друзей-то выбирал не по национальному и тем более не по земляческому, родоплеменному признаку.

Он был интернационалистом в большом и малом.

По-сыновьему любил свой народ, знал и уважал многие обычаи. По-детски радовался, когда я его называл Евнеем Арстан-улы, старших почтительно величал аксакалами, знал толк в национальной кухне, отлично ориентировался в звездном небе согласно народной космогонии. Однако это все детали и притом не такие уж обязательные!

Преданность родной культуре в сочетании с высочайшим интернационализмом - вот что составляло сущность Букетова как человека, как ученого, как писателя. Да, писателя, И притом писателя двуязычного. Он переводил на родной язык и Шекспира, и Есенина, а русским языком владел в совершенстве: многие страницы его прозы читаются с наслаждением.

В его литературном наследии выделяется эссе "Святое дело Чокана", опубликованное в 18-м сборнике "Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке" (Москва, изд. "Советский писатель", 1985 г.). Не будет лишним напомнить, что он был и членом редакционной коллегии этого авторитетного союзного издания. Эссе Букетова нисколько не теряется в относительном обилии научно-популярных работ о Чокане (Аликей Маргулан, Сабит Муқанов, Сергей Марков, Ирина Стрелкова и др.). Вроде бы и факты известные, а воспринимал эссе как новое слово о Валиханове. Даже о его дружбе с Достоевским, дружбе, ставшей "ярчайшей страницей в истории братства русского и казахского народа", рассказано по-своему, по-букетовски. Высвечивается новое в своеобразной и очень точной оценке того, как объективно, с достоинством, но и без иронии относился Чокан к своей родословной, уходящей в далекий век Чин-

гисхана. По-новому осмысливается и бесстрашное путешествие в Кашгарию. Букетов объяснил подвиг Чокана простой, чрезвычайно простой и одновременно насыщенной мыслями формулировкой: "Только фанатично преданный науке Чокан Валиханов мог на виду пирамиды человеческих голов пренебрегать опасностями и заниматься делами ученого. И в этом смысле его подвиг ничем не отличался от подвига Архимеда. Плавные рассуждения автора эссе перемежаются лирическими отступлениями и даже корректной острой полемикой с современниками Валиханова. Букетов приводит слова Потанина: "Чокан был большой лентяй". И разрушает этот невинный миф. Остроумно распознаны в эссе "артистическая одаренность Чокана" и "его неподражаемая способность к розыгрышам", кроющаяся отчасти в его национальном характере.

Как товарищ Букетова по литературному цеху я рассказывал о нем - писателе больше, чем об ученом. Хотя мне и пришлось быть свидетелем его триумфа как ученого и как организатора науки на Всесоюзном совещании химиков в Караганде.

Нечастое сочетание подлинного ученого (он и экспериментатор, и аналитик, и мастер больших обобщений), общественника (и умелого административного деятеля) с бесспорной литературной одаренностью и дает право говорить, что он уверенно шел дорогой Чокана Валиханова и Каныша Сатпаева.

И, конечно же, он был не лишен недостатков. Да кто их не лишен.

Был склонен порой к внешним эффектам, перегибал в честолюбии: в общем правильно оценивал людей, не всегда мог подавлять свои эмоции, - впрочем, так ли уж плохо это?

Он был человеком не только широкой, но и распахнутой души.

И эта распахнутость, эта откровенность едва ли не яснее всего выразились в его "Шести письмах другу, или Записках научного работника", опубликованных в 1978 году в "Прогрессе" под заголовком "Время светлой судьбы".

Публикация этого произведения сыграла трагическую роль в жизни Евнея Арстановича Букетова.

19 мая 1979 года в молодежной республиканской газете появился фельетон "В соавторстве с... Хлестаковым", подписанный кандидатом исторических наук Ю. Рощиным. В те времена это имя наводило страх на писателей, научных

работников. Ю.Рощин появлялся на страницах многих алма-
тинских газет. И если ему начисто было отказано судьбой
стать властителем дум, то многие чужие судьбы ему удалось
поломать. Кто из нас, поживаясь, не думал: а вдруг моя
повесть (рассказы, стихи, критические строки) не поглянет-
ся всесильному Рощину и он вынесет свой безапелляцион-
ный приговор. Когда-то сотрудничавший под другой фами-
лией в республиканской газете и не создавший ни одного
шедевра, Рощин перебрался в Москву и спустя много лет
неожиданно всплыл на газетных страницах знатоком казах-
ской литературной жизни. Он увидел в "Записках..." "ско-
собоченную общественно-политическую картину", произ-
вел Букетова в "прямые родственники" горьковскому Климу
Самгину и леоновскому Грацианскому (а ведь это не просто
сравнение, а политическое обвинение!), заявил, что "мифо-
логический Нарцисс в сравнении с автором выглядит могу-
чим коллективистом", обвинил Евнея Арстановича во всех
смертных грехах, в том числе во лжи, зазнайстве, хвастли-
вости, фальсификации.

В фельетоне обдуманно подчеркнута и должность Буке-
това - ректора Карагандинского государственного универ-
ситета.

Словом, сигнальная ракета взвилась: начинайте травлю!
И начали.

С болью и гневом значительная часть литературной и
научной общественности восприняла фельетон Ю.Рощина, в
котором явственно прослушивалось: "Ату его! Возьми его!".
Но те, кто и мог бы защитить, молчали, ибо догадывались -
сигнал к травле исходил из "Большого дома", как тогда
принято было говорить. Молчали, ибо знали, что такая
неординарная личность, как Букетов, невыгодно оттеняет
тогдашнего бесцветного президента Академии наук респуб-
лики и должна быть во что бы то ни стало развенчана.

С университетом его вынудили расстаться.

Директор уважаемого издательства, в котором должны
были выйти в свет "Записки...", не без грусти сказал мне,
рецензенту рукописи:

- Я и сам за ее издание. Но вы же понимаете...

Молчал он. Молчал я. Молчали мы.

Молчал и Букетов, понимая, что силы неравные. "...Пе-
решел на рядовую научную работу к своим ученикам и
теперь чувствую, как я много потерял за годы своего
ректорства, - писал он мне и дальше, иронизируя над самим

собой: - Вообще для утешения поводов много... Годы руководства вузом тоже, наверно, не пропали даром - познана жизнь с таких сторон, которые не всем доступны".

И замыслы, замыслы. Литературные и научные. Лучшие его страницы о Чокане и Сатпаеве написаны именно в это горькое для него время. Заново погружался в таблицу Менделеева. И вот еще строки из письма: "Оказывается, я ее очень плохо знал, и поскольку плохо знал, сделал несколько "открытий". Ходил сам не свой. Когда же обнаружил, что эти "открытия" сделаны давно, все же восторг мой не прошел. Самовлюбленному и самолюбующемуся человеку всегда можно найти повод поублажать тщеславную душу". Так посмеивается над собой "Нарцисс", посмеивается над собой в трудное время своей жизни. Понимаете ли вы это, Родин? Осознаете ли, кому укоротили жизнь?

А рана была нанесена... Инфаркт. Долгое, мучительное выздоровление. Обдумывание жизни. И снова работа: письменный стол и лаборатория в Химико-технологическом институте, который он возглавлял и развивал в течение долгих лет.

Он упорно занят разработкой метода получения искусственной нефти из высокозольного угля и воды с применением ферросплавов. За три дня до смерти он писал начальнику Карагандаглавснаб: "...воспомооществуй Христа ради насосами высокого давления (хотя бы одним) для будущих бензиновых рек из угольного бассейна".

Разработка осталась незавершенной, как не дописана и книга о Сатпаеве. Хронологически это его последние дела. Но разве у таких людей, как Евней Арстанович, бывают последние дела? Ведь за содеянным непременно бы возникли и новые замыслы, и их свершение...

Шамшия АМЕРХАНОВА

УЧИТЕЛЬ ИСКРЕННЕЙ ДОБРОТЫ

Когда я устраивалась на работу, то в директорском кабинете Евнея Арстановича Букетова получила урок высочайшей гражданской ответственности, невольно присутствуя при следующей сцене. Вызвав проректора по науке, он сказал, что необходимо трудоустроить жену аспиранта, дочь киргизского народа, пришедшую к нему на прием. Точно помню его слова: "Эта молодая женщина - сноха нашего народа, и мы

не вправе, чтобы на казахской земле она чувствовала "сиротство", тем более, что муж ее в данное время в аспирантуре, далеко".

С тех пор я много раз поражаюсь способности Букетова, своего Учителя вмещать в своем сердце столько широты, столько искренней доброты, что диву даешься. Умел он видеть в любом труде зерно и убедить, что оно прорастет. Он верил в хорошее будущее каждого молодого человека, помогал каждому стать творческой личностью. Его отличало человеколюбие.

В день кончины Букетова мною написано небольшое стихотворение, эти строки "вылились" сами собой из моего сердца. Есть в них слова о том, что Букетов всех нас "озарил Добротой своей и верой в жизнь". И это так!

Помню день, когда он уходил из университета, так как уволился "по собственному желанию". Казалось, Евней Арстанович был весь нацелен на то, что наконец он сможет еще полнее себя отдавать науке, говорил о том, что теперь сможет работать со своими учениками, не отвлекаясь, и было ощущение даже радостного предчувствия, так как он улыбался, шутил. И действительно - мы стали чаще встречаться, он уделял своим ученикам все больше времени, и не было, казалось, конца нашим беседам о науке, творческом поиске. Он давал нам возможность чувствовать себя выше, чище.

Помню, как в день его рождения на открытке написал отрывок из стихотворения М.Шаханова "Теоремы взаимотношения" и оставила на письменном столе своего Учителя. Чуть позже увидела его, тяжело поднимающегося по лестнице на третий этаж, Евней Арстанович сказал, что специально шел, чтобы поблагодарить меня за поздравление. Глаза его были очень лучисты, но, казалось, в них уже проглядывала глубоко скрытая грусть.

Однажды после очередной консультации речь зашла о месторождении "Майкубень", это было как раз после того, как на факультете была прочитана им лекция, посвященная проблемам возможной переработки в нефть углей, подобных майкубеньским. И когда он в разговоре от меня узнал, что комбинат Майкаин, находящийся в непосредственной близости от месторождения, собирается отпраздновать 50-летний юбилей, то тут же написал своей рукой текст поздравительной телеграммы, который хранится мною до сих пор. Телеграмма была отправлена, ее зачитали на

торжественном заседании перед тружениками-обогатителями небольшого рабочего поселка.

В незавершенном романе Букетова об академике Капыше Имантаевиче Сатпаеве в устах одного из героев звучат такие слова: "Много ли надо человеку. Совсем немного. Стоит это понять, как человек перестанет врать и обманывать, главное - честность к самому себе, друзьям, людям. Честность и бескорыстие". Мне кажется, этими словами он многое сказал и о себе, таким он хотел быть сам, да таким он и был. Его жизнь была на редкость гармонична и содержательна, ибо он ценил каждый день и каждый час.

После инфаркта уже в больнице в палате после недельного пребывания без движения он с охотой читал и писал. Мы застали его за чтением уймы газет, они лежали на его широкой груди. Мы все смеялись и шутили, так повеселел Евней Арстанович.

Еще в первые годы работы в университете я на улице или у входа в вуз могла просто и тепло пожать протянутую мне руку этого Большого человека. Он был скромн, но очень внимателен, отзывчив, приветлив. Для него не существовало "маленьких людей", ничтожных студентов. Так, видимо, и создавалось ощущение единства учеников и учителя, которого мы будем любить до тех пор, пока сами живы.

Андрей ПАШИНКИН

АКАДЕМИК И ПИСАТЕЛЬ

Наша первая встреча с Евнеем Арстановичем Букетовым состоялась весной 1962 г. В то время я работал в лаборатории Александры Васильевны Новоселовой и занимался исследованием халькогенидов. Встреча эта произошла совершенно неожиданно: открылась дверь лаборатории, и ее проем почти полностью заняла крупная фигура человека, который пропускал впереди себя своего спутника с европейскими чертами лица. Это были Евней Арстанович Букетов и Марк Зилманович Угорец. Евней Арстанович с большим интересом осмотрел наши установки по сублимации теллура и халькогенов, установивки по методу Кнудсена и изучению окисления халькогенидов. Он сказал, что пришел к нам по рекомендации сотрудницы ГИНЦВЕТМЕТА Л.А. Сошниковой. То, что он директор ХМИ, выяснилось как-то случайно.

Он сказал, что все, что он увидел, его очень интересует и нам полезно поддерживать контакты. Поскольку в Казахстане мне никогда ранее бывать не приходилось, то возникли естественные затруднения при написании на слух имени и отчества. Он протянул академическое удостоверение, и я удивился, прочитавши там, что имею дело с директором ХМИ: так весь облик его, живость общения и понимание конкретного дела не ассоциировались с обликом "начальника".

Не помню, представился ли он тогда, уже после нашей встречи, Александре Васильевне или это было в другой приезд, последовавший вскоре за нашим первым знакомством.

Наши более тесные научные контакты, перешедшие в настоящую дружбу, возникли уже после моего первого приезда в Караганду в мае или июне 1962 года.

Евней Арстанович быстро ввел меня в курс его работ в области химии и технологии селена и теллура. Пожалуй, стоит рассказать только о двух работах, в суть которых мне пришлось вникать. В одной из них исследовались безводные пироселениты цинка методами рентгенофазового анализа и термографии. Пирометр Курнакова был установлен в небольшой комнате административного корпуса старого здания ХМИ. Стены толстые, помех никаких - получились прекрасные термограммы, но поскольку не принимались меры защиты образцов от влаги, то на кривых регистрировались эффекты, характеризующие потерю кристаллизационной воды при нагревании, что очень легко было установить, так как процесс дегидратации водных пироселенитов был уже изучен. Мы обсудили эту ситуацию совместно. И много лет спустя, рассказывая об этом случае, Евней Арстанович всегда смеялся и говорил, что я приехал и нашел, что все работы делаются неправильно.

Вторая работа касалась измерения давления диссоциации селенита цинка методом потока. Метод очень капризный и дает хорошие результаты далеко не с любыми объектами и требует специальных конструкций реакционного сосуда. На этой установке работала тогда С.С. Бакеева. Мы работали вместе дня три, провели 5-6 опытов, но воспроизводимого результата не получили. Все были единодушны в том, что метод измерений надо менять. И вот в следующий приезд измерения проводились уже методом "точки росы", и весьма успешно. Эта работа закончилась через несколько лет,

были исследованы термодинамика диссоциации многих селенитов, представляющих интерес как для пирохимического процесса извлечения селена из медьэлектролитных шламов, так и для процессов окисления халькогенидов, обладающих полупроводниковыми свойствами. В 1971 году С.С. Бакеева успешно защитила кандидатскую диссертацию на химическом факультете МГУ.

Следует отметить, что Евней Арстанович всегда хорошо понимал, что диссертации и диссертанты бывают разные, и наиболее способных, получивших интересные результаты, работавших наиболее тщательно и прилежно, стремился направить на защиту в Москву, Ленинград или Свердловск. Эта полезная традиция сохранилась в ХМИ и в настоящее время.

Наши встречи как в Караганде, так и в Москве, преимущественно на химическом факультете МГУ, еще более сблизили нас. Некоторые факты из этих встреч представляют интерес для характеристики личности Евнея Арстановича как ученого-энциклопедиста, то есть такого разностороннего ученого и человека, что в целом не свойственно для современного научного работника.

О своих интересах в литературе и истории Евней Арстанович говорил всегда, но о его переводах на казахский язык "Евгения Онегина" или поэмы Есенина "Анна Снегина" приходилось узнавать как-то случайно. Впервые я услышал об этом от него во время пребывания в Караганде, наверное, в 1965 г. Я провожал его в Алма-Ату на аэродроме в Караганде. Самолет задерживался, мы долго ходили около аэровокзала, и тут Евней Арстанович стал читать поэму Есенина на казахском языке. Не помню, сказал ли он тогда, что это его перевод. Много позднее он об этом рассказывал уже в Москве. Тогда же мы узнали, что он член Союза писателей.

Самое удачное, с моей точки зрения, художественное произведение Евнея Арстановича - это "Записки научного работника", опубликованные в журнале "Простор". Много, о чем он пишет, я слышал ранее от него и его сотрудников и учеников, кое-что видел сам, так как в какой-то мере был свидетелем становления ХМИ. "Записки" читаются очень живо. Многие действующие лица "Записок" даны под псевдонимами и, самое любопытное, что они легко расшифровываются, узнаются реальные события и люди, их оценка автором. Может быть, это не так интересно, кто не знает

тех научных организаций и их коллективов, о которых идет речь, но для тех, кто в курсе дела, "Записки" читаются с двойным интересом, и с этим согласны многие, кто знает описываемые научные коллективы Алма-Аты, Москвы, Химико-металлургический институт.

Всегда поражали библиотеки Евнея Арстановича на работе и дома. Думаю, что хорошие домашние библиотеки его сотрудников и учеников в Караганде создавались не без его влияния.

Большая заслуга Е.А. Букетова - это организация традиционных конференций по химии и технологии халькогенов и халькогенидов; две из них прошли при его жизни. Здесь мы снова можем убедиться в широте замыслов Евнея Арстановича. Эти конференции стали, а их прошло уже три, наиболее авторитетным местом общения химиков и технологов, занимающихся исследованиями этих элементов и их соединений. Если на других конференциях, посвященных халькогенидам, рассматриваются преимущественно их электрофизические свойства, что стало уже привычным, то в Караганде химики, физико-химики и технологи всегда могут найти интересную аудиторию и понимание чисто химических, физико-химических и технологических проблем, без активного обсуждения которых не только невозможен прогресс именно в химии и технологии халькогенов, халькогенидов и мышьяка, но и технологии направленного синтеза материалов с заданными электрофизическими свойствами.

После перехода Евнея Арстановича на основную работу в Карагандинский университет наши встречи стали более редкими, но он позаботился о том, чтобы научные связи с ХМИ оставались столь же продуктивными.

В то время я работал профессором кафедры физической химии МИЭТ, и в январе 1975 года приехал в Караганду уже как сотрудник кафедры. Наша встреча состоялась в день моего отъезда. У меня было явно уже настроение оказаться поскорее дома, в тот же день я должен был быть уже на работе. Евней Арстанович очень увлеченно говорил о важности переработки пиритных отвалов, обращал мое внимание на работы Дж. Н. Абишева и его сотрудников, и настаивал на тесном сотрудничестве между нами. Такая постановка вопроса показалась мне не слишком реальной, так как это была для меня совершенно новая задача, да и надо было уже ехать на аэродром. Евней Арстанович заме-

тил мое недоумение и нетерпение и несколько меня упрекнул. Я обещал подумать. Не уверен, представлял ли ясно наше будущее взаимодействие присутствовавший при разговоре Дж. Н. Абишев, но через несколько лет мы подготовили совместно небольшую монографию "Магнитные сульфиды железа", предисловие к которой написал Евней Арстанович. Таким образом, наше взаимодействие с ХМИ продолжало осуществляться, очевидно, по путям, намеченным в той, с первого взгляда, казалось, не очень продуктивной беседе.

Вспоминать о последних годах жизни Евнея Арстановича тяжело. Совершенно очевидно, что в застойное время такие талантливые и разносторонние люди были просто не нужны. После явно инспирированного "сверху" "фельетона" Евней Арстанович вскоре фактически оказался не у дел. Это не могло не сказаться на его здоровье, тем более на боли в сердце он жаловался впервые сразу после защиты докторской диссертации в 1966 году.

Все, с кем я ни разговаривал по поводу этого безобразного пасквиля, были единодушны в оценке мотивов его появления, с гневом осуждали клевету в адрес Букетова.

Наиболее ценными для Евнея Арстановича в последующие годы были работы по автоклавной восстановительной переработке каменного угля в жидкое топливо. Он был очень увлечен этой работой и дорожил поддержкой академика Виктора Ивановича Спицына. Вообще встречи и переписка с Виктором Ивановичем были для Евнея Арстановича в эти нелегкие годы очень важны.

Последняя наша встреча состоялась на конференции, посвященной 25-летию ХМИ и открытию Центрально-Казахстанского отделения Академии наук Казахстана. Мы решили некоторые текущие дела. Я не мог представить себе, что вижу Евнея Арстановича в последний раз.

Сейчас справедливость восстановлена, но этого талантливого человека, академика и писателя, нет среди нас, а ведь он мог еще много сделать в тех областях химии, металлургии, литературы, истории, которые так интересовали его.

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ

О БУКЕТОВЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Помню, в апреле 1989 года мне довелось участвовать в работе читательской конференции, посвященной 90-летию со

для рождения К.И. Сатпаева. Проходила она в областной библиотеке, открыл ее вступительным словом тогдашний член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, директор Химико-металлургического института Джанторе Нурланович Абишев. Запомнились его слова:

- Много талантливых учеников было у Каныша Имантаевича, но самая яркая звезда среди них - крупный ученый, академик Евней Арстанович Букетов. Его поиски помогли развитию новых в Казахстане отраслей цветной и черной металлургии.

Двенадцать лет Евней Арстанович возглавлял наш Химико-металлургический институт в Караганде и всегда показывал личный пример в творческих исканиях. Он стал создателем обобщающего научного направления: химия и технология халькогенов и халькогенидов, прогрессивного метода определения элементарного фосфора в шлаке. Его научные труды по разработке пиро- и гидрохимических способов извлечения селена и теллура из медьэлектролизных шламов, получения марганцевых ферросплавов из бедных руд и высокозольных углей и многие другие до сих пор не потеряли своей ценности.

Слушая тогда, как мне показалось, слишком сухую, официальную речь Джанторе Нурлановича, я все вспоминал, где же впервые в Сарыарке услышал имя Букетова. И мне представился низкорослый, но ладно сбитый краевед из Жезказгана Сутемген Букуров, директор местного музея горно-металлургического комбината, который в один из дождливых дней выговаривал молодому журналисту, стоящему с папкой под мышкой на веранде музея:

- Как же вы будете о Сатпаеве писать, если не знаете абсолютно ничего о его продолжателе Букетове, если даже не касались пальцами книги "Грани творчества"? Что, не знаете, где ее достать? В библиотеке, мил человек, где же еще - в библиотеке - в любой!

Уже глядя вслед уходящему растерянному молодому журналисту с папкой под мышкой, Букуров укоризненно сказал мне:

- Вы посмотрите на него - ничего слыхом не слыхивал о Букетове, а туда же - в знатоки Сатпаева! А, между прочим, пока в республике никто лучше Евнея Арстановича не написал о Каныше Имантаевиче и его последователях.

И он процитировал: "Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения Чокан Валиханов... У первого

казахского академика Сатпасва и его соратников - иная судьба. Не "блестящими метеорами" пролетали они по небу советской науки, а светят устойчивым светом постоянных звезд...". Это и о себе написал Букетов! Красиво и умно!

Разговор с Букуровым я много раз припоминал позже, в Караганде, когда стоял у здания основанного Букетовым Химико-металлургического института, на котором скульптор Юрий Вильгельмович Гуммель умел: высек своей мастерской рукой барельеф видного ученого; когда шел по улице, носящей его имя... Мне было тепло на улице оттого, что мы начали чтить тех, кто трудился в поте лица своего на людей, кто был первым в этом городе на тропах науки, кто жил для будущего и верил в него... Но было и огорчительно буквально через полчаса слышать от встречных студентов, что они ведасть не ведают, кто такой Букетов, почему в его честь названа улица... Скажете: элементарное отсутствие интереса к трудам предшественников, пробелы просвещения...

Да, это так. Молодость, изъясны образования. Но и черное забвение имени Букетова, сотен творческих, ищущих, таких, как он, в тихую эпоху Кунаева, безоблачного застоя Брежневца... С одной стороны, Евней Арстанович, казалось, тогда получал все, что может получить талантливый человек, - высокие звания, Государственную премию СССР, с другой стороны - едва поднявшись во весь рост, он оказывается в роли преследуемого, гонимого.

Брат академика - персональный пенсионер республики Камзабай Арстанович Букетов недавно подарил мне книгу Евнея Арстановича "Шесть писем другу". Довольно трудная, непредсказуемая судьба у этой книги, как и у ее автора. Она увидела свет лишь спустя одиннадцать лет после того, как получила "добро" на публикацию в издательстве. Да, да, именно в 1978 году книга Букетова была сдана в набор на казахском и русском языках. Но ее выпуск по "команде сверху" был запрещен, и тогдашнее руководство издательства поспешно сняло ее с производства.

Книга появилась в киосках и магазинах уже после того, как ее автор ушел из жизни. Она вообще могла бы затеряться, если бы не волнительная забота о личном архиве академика его брата Камзабая Арстановича Букетова. Именно к нему я обратился с просьбой объяснить нелегкую судьбу книги "Шесть писем к другу".

Как сейчас помню, Камзабай Арстанович немного помолчал, тяжело вздохнул и согласился:

- Хорошо. Я скажу. У Евнея Арстановича гладкий путь к звездам славы был прерван где-то в конце семидесятых годов, когда он не вовремя снял свою кандидатуру на пост президента Академии наук республики. К тому же не информировал об отказе своем самые верхние эшелоны власти. Это сейчас - если хочешь, выставляя свою кандидатуру, свою программу, борись, и тебе, как говорится, воздастся! А тогда было такое время: не сместь своего суждения иметь. Тем более что на пост президента Академии наук Казахстана претендовал не кто-нибудь иной, а сам брат Д. Кунаева - Аскар! Разве можно было противостоять такому кандидату? Ясное дело, периферийный академик Букетов сразу попадает в опалу. В Карагандинский университет, который он в то время возглавлял, из Алма-Аты следуют комиссия за комиссией. Они занимаются многочисленными ничемными проверками, ищут "жарфакты", чтобы очернить кандидата в президенты, чтобы при первой же возможности "сместить его" и с кресла ректора провинциального вуза.

Его начали всюду теснить и преследовать, капля за каплей подтачивая силы. Дошло до того, что Евнея Арстановича стали упрекать в самозванстве, зазнайстве на том основании, что в своей книге "Грани творчества", изданной в издательстве "Жазушы", он не только не показал роль Д.А. Кунаева в становлении Академии наук Казахской ССР, но даже не упомянул, что тот был ее президентом в 1952-1955 гг. Зато Букетов превознес имя К.И. Сатпаева, которого терпеть не мог Д.А. Кунаев.

В конце концов "дело на Букетова" довели до того, что в молодежной республиканской газете на него опубликовали фельетон-пасквиль "В соавторстве с Хлестаковым". Поводом для этого фельетона послужили "Записки научного работника" Е.А. Букетова, опубликованные в журнале "Простор" в восьмом и девятом номерах за 1978 год. Критик Ю. Рощин пожелал увидеть в них "скособоченную общественно-политическую картину". Причем, в фельетоне была специально подчеркнута должность Букетова, мол, его мировоззрение не соответствует креслу, на котором он сидит. Эта статья была явным спецзаказом критику, и он с административным восторгом выполнил его.

Камзабай Арстанович Букетов вручил мне большую папку материалов, опубликованных в журналах и газетах о своем именитом брате. Среди множества похвальных статей я натолкнулся на злополучную "В соавторстве с Хлестаковым" (о "Записках научного работника" Е.А. Букетова). С первых же абзацев чувствуется, что к оценке произведения академика Ю. Рошин подходил явно предвзято, заведомо ставя целью уничтожить автора как творческую личность. Иначе откуда такие фразы: "Мифологический Нарцисс в сравнении с автором выглядит могучим коллективистом", "Несмотря на мажорное название, это многостраничное творение удивляет неумеренным "ячеством" автора, самоуверенной гиперболизацией его личной общественно-социальной роли". Критик даже подсчитал, что местоимение "я" у Букетова на каждой странице повторяется не менее 10-15 раз.

Я когда-то читал "Записки" Букетова, недавно заново перечитал их и скажу, что в них нет и миллионной доли "саморекламной мишуры", о которой вещает на весь мир закодированный "ценным указанием сверху" критик. Да и смешно было уже тогда читать эти места в рецензии! Когда советского поэта В.В. Маяковского один критик упрекнул в "ячестве", "саморекламе" в стихах, то он спросил его: "Скажите, а когда вы объясняетесь в любви девушке или женщине, то говорите ей: "Мы вас любим?" Она ведь может испугаться и спросить: "А сколько вас?".

Ясно, что "я" Букетову необходимо было, как каждому творческому человеку. Как же иначе, скажите, можно было с наибольшей силой выразить свои чувства и мысли, кроме как через собственное сердце, душу свою, свое "я"? Но критик не унимался, он назвал "Записки" даже "проповедью мещанства", "приступом нарциссизма, напоминая автору назидательно о том, что "мы - коллективисты". Так и хочется сказать Рошину: коллективисты-то мы коллективисты, только каждая литературная вещь - дело индивидуальное, нигде творческое "я" так не сильно, как в литературе, тем более мемуарно-документальной. Чокан Валиханов после встречи с Достоевским писал ему в Семипалатинск: "... Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю". Исходя из своей концепции не писать от имени "я", Ю. Рошин мог бы разделить под орех и самого Чокана Валиханова, да заодно с ним и Федора Михайловича

Достоевского, который тоже свои записки пишет от первого лица. Вот его строки Валиханову: "А я Вам объявляю без церемоний, что я в Вас влюбился... Я тоже Вас люблю, что мечтаю о Вас и о судьбе Вашей по целым дням".

Явно натянутая критика в тогдашней "Ленинской смене" не могла не возмутить писателей Казахстана, ученых, всю общественность. Но многие друзья Евнея Арстановича струсили, отвернулись от него, ведь его вроде уличили и нескромности и отсутствии (цитирую) "партийной объективности, гражданской ответственности". А тогда такие ярлыки не зря навешивали на талантливых людей, все догадывались: попал одаренный человек под такую критику - значит, не люб "верхам". Критика в то время, как и тысячи партийных мероприятий, заорганизовывалась сверху, дабы не вылезали из подчинения более умные кадры, не позволяли себе самостоятельных мыслей и поступков. Зачем, к примеру, Букетов в своих "Записках" "выпячивает" одних ученых, а других замалчивает? Разве это его дело - оценивать ученых республики? Не превышает ли он своих полномочий? Вот если бы проанализировал деятельность только ученых КАРГУ, тогда ясно, он ведь ректор университета. А по республике давать оценку не его ума дело... Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток. А если нарушаешь - берегись, на тебя всегда найдется какой-нибудь Ю. Роцин.

Как говорится, Бог правду видит, да не скоро скажет! И напрасно! Не было бы нещадной необъективной критики Ю. Роцина - не было бы больших неприятностей у Букетова, может быть, он и по сей день был бы жив и здоров и воспитал не один десяток подобных себе ученых.

Однако, как мы знаем, академик в конце концов был разжалован из ректоров Карагандинского университета ни за что ни про что. Его бы вообще чиновники "смешали с грязью", да имя Букетова, популярное в народе, не позволило им это сделать. Тогда власть предержавшие решили его попросту "усреднить", сделать таким, как все, милостиво предоставив ему должность научного сотрудника в том же Химико-металлургическом институте в Караганде, который он сам когда-то основал с легкой руки К.И. Сатпаева и долгое время возглавлял его. Удар был настолько силен, что, проработав всего три года в лаборатории, Евней Арстанович скончался. Скончался в расцвете творческих сил на 58-м году жизни, так и не осуществив многих своих творческих замыслов.

Подобное отношение к талантам, позорящее самую душу человеческую, укорачивающее жизнь многих видных ученых, писателей, было в застойные годы нормой. Нет, лучших людей не сажали в тюрьмы, не расстреливали, как это было в тридцатые годы при Сталине. Их всего-навсего "смещали", "усредняли", лишали так необходимых таланту условий, отрывали от больших дел. А моральные муки, как известно, бывают страшнее физической расправы.

Завистники Е.А. Букетова тогда в открытую пророчили гибель академику: "Сверху вниз падать почти смертельно... Он не выдержит цепей "маленького человека" на маленькой должности".

Вспоминая то время, Камзабай Арстанович Букетов говорил мне:

- Как они все ошибались. Главным в жизни брата были не должность, не высокий пост, а творчество! А этот удел ищущих никакой приказ, никакая комиссия не в силах запретить.

Академик Зейнулла Мулдахметов, ныне возглавляющий Центральное-Казахстанское отделение Академии наук Казахстана, недавно при встрече говорил мне:

- Талант - не разменная монета, а величина постоянная. Конечно, его можно и потерять, если не закалять трудом. А Евней Арстанович был прямо-таки рожден для труда. Правда, от трудов своих праведных он не нажил палат каменных. Но его есть за что хвалить...

Зейнулла Мулдахметов прежде всего отмечает большие заботы Букетова, которые удачно легли в сок да в корень организованного им Химико-металлургического института в Караганде.

Время становления учреждений такого рода обычно измеряется десятилетиями. Букетову же и его коллегам понадобилось всего три года, чтобы институт получил общесоюзное признание. Не будет большим секретом, если отмечу, что этому признанию способствовал курс Букетова на укрепление связи науки и производства.

Сам Евней Арстанович всегда охотно откликался на зов производственников, больше того - он не ждал, когда этот зов проявит себя в стенах института, а шел на узкие участки производства сам, чтобы "решить" их. В Жезказгане, Балхаше и Темиртау Букетов для рабочих и специалистов был своим человеком. Балхашские металлурги, например, до сих пор вспоминают, как вместе с "букетовским" институтом

они резко подняли производительность труда конверторов, разработав и внедрив в производство оригинальной конструкции печь шахтного типа с накладной газораспределительной решеткой. Легко выдуваемый в трубу порошкообразный медный концентрат превращается печами в окатыши. Использованные в конверторах в качестве холодных присадок, гранулы эти резко подняли мощность агрегатов. Они стали выдавать на тех же площадях дополнительные десятки тысяч тонн меди, соответствующей мировому стандарту.

Более 90 авторских свидетельств и зарубежных патентов на счету Евнея Арстановича. Скажите, какой нынешний академик может похвастать такой крепкой связью своих научных устремлений с производственным эффектом? Не засиделись ли научные профессора у пробирок в лабораториях, в шикарных кабинетах у пылью покрытых книг? Пример Букетова мог бы стать той ариадниной нитью, которая вывела бы многих наших ученых на простор производственных площадей.

Многие научные работники Караганды называли Е.А. Букетова за глаза, да и прямо в глаза "строителем". И в этом слове - тоже признание людей созидательной, организаторской деятельности академика. З. Мулдахметов подарил мне фотоснимок, на котором бывший председатель горисполкома Нариман Тулепов указывает Евнею Арстановичу места площадок для строительства новых корпусов университета.

Надо сказать, вопросами возведения университетского городка Букетов занимался основательно и подетально. Тот же Зейнулла Мулдахметович Мулдахметов в беседе со мной отметил, что особой страстью Евнея Арстановича было строительство. И далее продолжил свою мысль: "В организационном смысле он постиг все тонкости этого дела еще при возведении корпусов Химико-металлургического института. Сегодня трудно поверить, что учебный корпус университета по улице Гоголя сметной стоимостью около одного миллиона рублей благодаря заботам, настойчивости Букетова был построен всего-навсего за несколько месяцев и введен в строй к началу учебного года. При его активном содействии был заложен университетский городок на Юго-Востоке, построены главный учебный корпус, два общежития, три жилых дома для преподавателей. Согласитесь, мало кто сейчас из руководителей обладает таким даром, умением организовать всех на строительство важных объектов..."

Что ж, с Зейнуллою Мулдахматовичем остается только согласиться. Как прав он и в том, что Евней Арстапович во всем был неординарной личностью, касалось ли это науки, строительства, воспитания новой смены, литературы...

Рассказывая обо всех гранях таланта Букетова, как мне обойти молчанием тот факт, что он был членом Союза писателей СССР? В не так давно изданной в Москве в издательстве "Молодая гвардия" книге "Ритмы и алгоритмы" ученый Анатолий Константинович Сухотин в главе "Притча о двух Ломоносовых" пишет об уникальном сочетании в одном человеке научного и художественного дарований. Читатель, верно, догадался, что речь идет прежде всего о М. Ломоносове. Будучи великолепным химиком, он в то же самое время был и отличным поэтом. Но не только о великом русском ученом рассказывает доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Томского университета А. Сухотин. Рад, что мне выпала честь привести эти строки Анатолия Константиновича: "И уже совсем в наши дни проявились дарования Е. Букетова. Член-корреспондент Казахской академии наук, лауреат Государственной премии, он является крупным специалистом в химии. Казалось бы, современная наука сполна поглощает ученого и ему уже не остается времени ни на что другое... К тому же Е. Букетов - ректор Карагандинского университета. По правде сказать, не у каждого ректора достаёт сил даже на науку: хватает административных забот. Е. Букетов не только большой ученый, но не менее известный писатель, поэт, создавший ряд художественных произведений на родном казахском языке и познакомивший соотечественников со многими жемчужинами русской и западной классики. Его переводы стихов В. Маяковского, поэмы С. Есенина "Анна Снегина", рассказов Э. Золя и других творений мирового искусства хорошо приняли в республике".

И это так. Одно усиливало и проявляло другое, да я уверен в том, что не было бы крупного ученого-химика Е.А. Букетова, если бы не было Букетова-писателя.

У Камзабая Арстановича до сих пор сохранилась фотография, где молодой Евней читает на клубной сцене "Стихи о советском паспорте" В.В. Маяковского. Читал он и отрывки из романа шахтерского писателя Габита Мусрепова "Пробужденный край". Читал великолепно! Ему нравился Габит Мусрепов, его сочный, образный язык. Об этом он открыто писал в "Казахстанской правде" в своей рецензии.

Габит-ага прочитал ее и напросился по телефону прийти на чай к своему критику. В то время Евней жил с женой Зубайрой Дюсеновной в небольшой комнате в коммунальной квартире, и все же они умудрялись быть гостеприимными хозяевами, часто приглашали к себе, как говорил Евней, интересных людей.

В тот вечер их беседам, кажется, не было конца.

Надо сказать, первым в Евнее заметил дар литератора Габит-ага, и он ни на каплю не ошибся. Сейчас держу в руках перечень литературных трудов Е.А. Букетова и хватаюсь за голову: как много он сделал, как много написал! Тут и рецензии, и литературные портреты писателей и ученых, и статьи (только в "Казахстанской правде" их 30 крупных), и переводы пьес, поэм, стихотворений, и путевые очерки, и, наконец, книги!

Мало кто нынче вспоминает автора книги "Сарыарка-золотая планета" карагандинского журналиста Сергея Никитина, а ведь по сути он первым по-настоящему глубоко и проникновенно поддержал литературный талант Е.А. Букетова, посвятив ему в своей книге целую главу под названием "Простор".

Но даже Сергей Никитин признает, что "Евней Арстанovich Букетов прежде всего ученый, педагог". Это чувствуешь, даже когда читаешь его литературные вещи. Ведь многие из них - не художественные, не беллетристика, а публицистический рассказ об очевидном. Такова его книга "Грани творчества". Вот, к примеру, есть в ней раздел "Второй в республике". О чем он? Ну конечно же, о родном университете, карагандинских ученых, о воспитании в стенах вуза творческих, научных работников, специалистов... Кстати, З.М. Мулдаметов дал мне такую информацию: "Сегодня своим наставником Евней Арстанovichа считают десять докторов и более 60 кандидатов наук. В любом более или менее крупном предприятии химического и металлургического профиля, а также научных учреждениях республики можно встретить его учеников. Значительная часть их продолжает начатое им дело..."

Хорошие слова! А главное - правдивые, объективные. Когда в Институте органического синтеза и углехимии Академии наук республики в Караганде я познакомился с сотрудниками лаборатории химии угля, то все они, как стоворившись, сразу представились мне:

- Мы ученики Букетова.

И, не скрывая радости, сообщили, что в связи с созданием в области свободной экономической зоны в Караганде планируется строительство и эксплуатация завода по переработке угля. Это предусмотрено в уточненной концепции и предварительном технико-экономическом обосновании СЭЗ.

Порадовала меня и такая новость: только за семь месяцев, с ноября 1990 года по май 1991 года, восемь достойных продолжателей дела, идей Е.А. Букетова из Центрально-Казахстанского отделения Академии наук Казахской ССР защитили докторские диссертации. Это Н. Бектурганов, А. Жарменов, М. Бакеев, А. Баешев, Е. Максимов, В. Шкодин, С. Исабаев и другие.

Как мы знаем, лаборатория химии угля была последним пристанищем и детищем Евнея Арстановича. Здесь у него родилась гениальная мысль - всерьез заняться превращением низкоэнергетических углей Шубаркольского, Майкубенского и других месторождений Сарыарки в широкий ассортимент жидких топлив - в бензин, дизельное топливо, топливо для авиационных реактивных двигателей. Уже тогда он приложил большие усилия для создания новой лаборатории, ее начинки современным оборудованием. Учтите, что все это он делал после своего смещения с поста ректора университета. Другой бы озлобился да и перестал служить науке, вносить новые идеи и сражаться за них. Сказал бы: "Послужил своему неблагодарному обществу, хватит, пусть другой ему служит..." Не озлобился, не сказал так. И за свой высокий пост не переживал - переживал, что несправедливо его критиковал Рощин, ибо очень любил истину во всем и презирал придворных писак.

Нынешний ректор Карагандинского университета Жамбул Саулебекович Акылбаев, который при Букетове работал проректором, недавно мне рассказывал:

- Мы все любили Евнея Арстановича. Когда я узнал, что он после нескольких бессонных ночей, вызванных бесконечными вызовами в обком партии, написал заявление об уходе с должности ректора по собственному желанию, то пришел к нему в кабинет с предложением "пойти всем коллективом туда и отстоять его". На это он мне сказал:

- Туда ходить нечего, ведь команда шла из Алма-Аты, от первого... И тут хоть бастуй, хоть молись до утра, толку не будет. Ведь мы живем в тоталитарном государстве.

И добавил:

- А может, оно все к лучшему? Наконец-то я смогу свободно сесть за свой письменный стол и окончить книгу... Наконец-то смогу вести опыты в лаборатории по экономическому превращению излишков угля в топливо для внутреннего сгорания... Говорят, все, что ни делает Бог, к лучшему.

И закрывая дверь своего кабинета, попросил:

- Только уж вы все не забывайте меня в университете.

Но весь парадокс в том и состоит, что как только он вышел навсегда из университета, грузно ступая по гранитным лестницам, на продуваемую ветром улицу и затерялся в толпе обычных прохожих, так память о нем стала гаснуть быстро, как дым от костров в мокром саду. И нынешние студенты, к стыду нашему, даже не могут назвать имени человека, сотворившего университет в Караганде, так как не знают о нем ни-че-го-шень-ки! Мне просто не хочется называть сегодня десятки фамилий тех, кто слова вразумительного не мог сказать на мой вопрос, кем был Букетов, кто он такой.

К счастью, новый ректор университета, конечно, помнит и чтит имя Букетова. И потому он так горячо поддерживал идею увеселить свет его дел в области. И университет с недавних пор носит имя Букетова. Евней Арстанович как бы возвращается к нам...

Болат БАЙТАНАЕВ

ПАМЯТЬ О НЕМ ЖИВА

Крупный ученый, публицист, критик, поэт, прозаик, переводчик - и это все в одном лице.

Литература для Евнея Арстановича Букетова была столь же серьезным занятием, как наука, педагогическая работа, которым он посвятил всю жизнь.

Тяга к художественному творчеству обнаружилась еще в школьные годы, но, видимо, она была еще неосознанной, и химия не потеряла в лице Букетова крупного ученого. Еще аспирантом Евней Арстанович начал сотрудничать в республиканских литературных и общественно-политических журналах. В 50-е годы он написал около тридцати критических статей на театрально-художественные темы. Его рецензии, обзоры отличались глубоким проникновением в замысел автора, в характеры героев. К нему стали прислушиваться,

обращать внимание на его мнение, убеждаясь в правоте и зоркости молодого критика.

В эти же годы он выступает и в качестве талантливого переводчика в самых различных литературных жанрах. Им переведены на казахский язык сатирическая пьеса В. Маяковского "Клоп", роман Ивана Вазова "Под игом", комедия "Испанский священник" Флетчера, повесть Василенко "Артемка". Он перевел поэму С. Есенина "Анна Снегина", стихи В. Маяковского и его поэму "Хорошо!", рассказы Эмиля Золя, трагедию В. Шекспира "Макбет". Специалисты высоко оценили эти переводы. Они не только обогатили казахскую литературу, "определили новый горизонт для казахского читателя, но и расширили систему национального стихосложения.

В 1975 году в издательстве "Жазушы" на казахском языке вышла книга очерков Е. А. Букетова "Человек, родившийся на верблюде". В ней речь идет о первом поколении казахской национальной научной интеллигенции, выращенной Советской властью, рассматриваются проблемы преемственности в литературе, особенности поэтического мастерства. Спустя год Е. А. Букетов порадовал читателей новой книгой "Грани творчества". Она невелика по объему, но несет в себе огромный нравственный заряд. Достоинства и ценности этой книги, как отмечала критика, в нравственном содержании ее. Человечность, скромность, чувство товарищеского локтя, трудолюбие и честность - вот что воспевают умные, эмоционально богатые строки раздумий человека - ученого, поэта и педагога. Обращаясь к жизни и деятельности прославленных ученых казахской земли К. И. Сатпаева, М. О. Ауэзова и тех, кто шел с ними вместе и продолжает теперь свой путь ученого, а также к таким корифеям науки прошлого века, как Д. И. Менделеев, он "всегда и во всем ищет и находит истоки их человечности, высокой духовности, с любовью всматривается в то, что сделано ими полезного и доброго для народа, для укрепления могущества Отечества", отмечалось в "Литературном обозрении". В книгу вошел и очерк "Второй в республике", посвященный открытию Карагандинского университета. Читатель журнала "Простор" В. Шерстюков из Талды-Курганской области в своем письме в редакцию журнала так оценивает очерк: "Хорошо написан, масштабно, живо, увлекательно, доказательно и проблематично, светло и молодо. Видимо, Евньей Арстанович человек и ученый поиска, способный глубоко

прошикать в психологию человеческого характера, блестяще знающий русскую историю, историю Казахстана и литературу...

Журнал, на мой взгляд, может гордиться этой статьей. Спасибо. Прошу передать читательскую благодарность Букетову".

Одним из последних произведений Е. А. Букетова является опубликованная в разделе "Документальная проза" журнала "Простор", № 8, 9 за 1978 год, повесть "Время светлой судьбы" (записи научного работника). Как известно, талант не однозначен. Здесь Е. А. Букетов обращается к необычному для его творчества жанру. Создав широкий исторический фон, писатель показывает, как обыкновенный юноша, судьба которого в известной степени перекликается с судьбой автора, выросший в далеком ауле, гонимый страстью познать жизнь и мир, получить образование, формируется в известного ученого. Критика настойчиво утверждала, что это сугубо документальное произведение, в которое входит лишь незначительное количество вымышленных имен. Однако история литературы знает огромное количество примеров, когда автор, излагая свои чувства и мысли, достигает достоверности путем включения в свое полотно событий и людей, с ними связанных, наблюдаемых в жизни. "Время светлой судьбы" не является исключением из этого ряда и представляет собой художественное произведение со всеми признаками, склоняющими чашу весов к жанру "повесть". Но если условно допустить правоту критики, нельзя не согласиться с мнением одного из рецензентов, писателя Сергея Никитина: "Ты - прирожденный литератор... В целом, прочитав произведение ("Время светлой судьбы" - Б. Б.), чувствуешь силу и чистоту большого человека эпохи и страны именно потому, что он убежденно считает себя самым обычным, добросовестным, простым тружеником, даже как-то стесняясь того заслуженного положения, которого достиг".

Е. А. Букетов - писатель, в котором удачно сочетаются две языковые стихии-казахская и русская, и от этого его произведения только выигрывают, представляя собой своеобразный синтез двух языковых систем.

Сейчас ему было бы шестьдесят... Память о нем жива и будет жить долго.

Написано к 60-летию и опубликовалось в "Индустриальной Караганде" 7.04.85 г.

ТАКИХ ЛЮДЕЙ НАДО БЕРЕЧЬ

Я много лет лечил Евнея Арстановича, и это позволило мне понять и оценить некоторые стороны его личности.

Евней Арстанович был сильным и смелым человеком. Будучи серьезно больным, он не терял присутствия духа, не поддавался болезни, относился к ней как к досадному обстоятельству, отвлекающему его от любимого дела. Даже в период лечения в больнице его палата быстро превращалась в рабочий кабинет, он был полон замыслов и планов и увлеченно работал как ученый и писатель. К врачебным советам относился уважительно, не считал возможным вмешиваться в назначения, как это нередко позволяют себе люди, занимающие "посты" и считающие, что они знают все и могут всех "учить".

Когда самочувствие позволяло, Евней Арстанович любил много ходить, во время прогулок искал общения, ему нужен был собеседник. Нередко таким собеседником становился я.

Мы часто гуляли вдвоем, обсуждая то, что нас в ту пору занимало и волновало: политические события, произведения литературы, поведение и деятельность отдельных людей.

Существовал заранее не обусловленный, но принятый между нами молчаливый договор, что наши беседы носят конфиденциальный характер; мы были откровенны и искренни. Больше говорил Евней Арстанович, мнения наши часто совпадали, но иногда я позволял себе не соглашаться. И нужно отметить, что Евней Арстанович с уважением относился к другому мнению, пытаясь убедить, но не навязать свою точку зрения, всегда очень продуманную и аргументированную.

Человек независимого ума, несомненно, очень мудрый, Евней Арстанович всегда умел понять суть проблемы, все догматическое было ему чуждо. К человеческим страстям относился снисходительно, прощал глупость, но был непримирим к подлости, пошлости, предательству.

Дом Евнея Арстановича был открытым для людей, причем людей разных и по образованию, и по общественному положению. Многие искали возможности общаться с ним, некоторые, как мне казалось, приобщиться к личности

большого человека. Правда, после публикации 19.VII.79 г. статьи в "Ленинской смене", в которой Е. А. Букстона пытались представить в весьма неприглядном виде, и последовавших после этого изменений в служебном положении ученого, посетителей в доме Евнея Арстановича заметно поубавилось. Приходили настоящие друзья, которые его действительно уважали, были ему преданны. Когда я прочел эту подлую и гнусную статью, стало очень тревожно за Евнея Арстановича, я боялся нервного срыва, что могло иметь роковые последствия, и сразу же навестил его.

Внешне он держался невозмутимо, не показался мне подавленным. Очень осторожно я коснулся этой злополучной темы. У меня создалось впечатление, что в какой-то степени Евней Арстанович относится к публикации философски, что она его не сломит, но мне кажется, что проявленная несправедливость все же угнетала его, хотя и позже он никогда этого не показывал.

Евней Арстанович любил свой народ, стремился развивать его образование, науку и культуру, был очень внимателен к своим ученикам, всячески способствовал их росту и продвижению. Ему было чуждо национальное чванство, он был интернационалистом, любил и хорошо знал русскую литературу, очень ценил Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Бунина, Маяковского. Часто перечитывал произведения Л. Н. Толстого.

В последние годы Евней Арстанович много работал над книгой, посвященной жизни и деятельности выдающегося ученого Каныша Имантаевича Сатпаева. Книга, работу над которой оборвала смерть, была задумана как большое произведение. Отдельные главы этой книги Евней Арстанович читал сам в узком кругу друзей и давал читать на дом. Впечатление было очень сильным.

Много работал Евней Арстанович и как ученый. В последние годы был увлечен проблемой получения нефти из каменного угля. Много думал над этим, составил четкую программу исследований, добивался создания проблемной лаборатории. С этими планами выступал на заседании Президиума АН СССР. После поездки в Москву рассказывал мне, что его планы были внимательно выслушаны академиком А. П. Александровым и другими членами Президиума, был полон замыслов, открыт.

Накануне рокового дня вечером мы говорили по телефону, Евней Арстанович считал, что чувствует себя хорошо, приглашал меня на следующий день погулять.

13.XII.83 г. утром, будучи на работе, я узнал горестную весть о внезапной кончине Евнея Арстановича. Причиной ее явилась, наверное, фибрилляция желудочков сердца, так как у него было такое нарушение ритма сердца, которое в любую минуту могло к этому привести. Как врач я понимал возможность внезапной смерти, но был потрясен ею, было бесконечно жаль такого большого и хорошего человека, последние годы жизни которого были омрачены несправедливостью.

Таких людей, каким был Евней Арстанович, нужно беречь, заботливо ограждать от всего, что может ранить их душу и сердце, тем более - больное сердце.

Камзабай БУКЕТОВ

НАША СЕМЬЯ

Род наш по сей день называют Алыпкаш, от него мы 5-ое поколение. Он прославил себя и оказался главой рода, своими подвигами в борьбе с иноземными захватчиками, жунгарами и калмыками.

По нашему национальному обычаю отмечу коротко, только о сыновьях. У Алыпкаша было 6 сыновей и седьмой приемный сын. Наш прадед по имени Костанай был предпоследним сыном. У Костаная были трое сыновей: Кошумбай, Букет и Сактаган, т.е. мой дед был средним сыном. Все они, начиная от прадеда, жили в среднем достатке. Не слышал вообще, чтобы кто-нибудь из наших предков был богатым, все они занимались черной работой по-нашему и имели небольшое поголовье скота, тем и довольствовались, но многие из них были мастеровые, особенно мои прямые предки, отец, дед и прадед. Отца-то я хорошо помню, действительно, он был мастер на все руки, как говорят в народе, "руки золотые".

У Букета тоже были трое сыновей; Арстан, Ибрай и Маутай. У Арстана выжили мы пятеро - Евней, Камзабай, Жартас, Шабдан и Еслямбек. Евней - 1925 года рождения, я - 1928 г., Жартас - 1935 г., Шабдан - 1938 г., Еслямбек - 1940. Отец имел большую грамотность арабским шрифтом, не совсем бегло мог читать Коран и другие произведения, но

у него была сильная память. Был по своему времени развит, виртуозно играл на домбре, свирели собственного изготовления, исполнял народные песни, наигрыши и т.д. У него был очень спокойный, мягкий характер, старался помогать всем родным и близким, ничего не жалея, был очень чистоплотен, любил справедливость, к чему и нас воспитывал. Тем самым пользовался большим авторитетом среди окружающих, не разбирая нации. Под стать ему была и наша мама, от своего отца она была одна, ее отец - Байжан из рода Аканбарак умер совершенно молодым, от матери их было двое, т.е. тетя Салима, тоже умерла молодой. Несмотря на это, у нашей мамы было очень много родных, из-за общительного, коммуникабельного характера, всех знала наизусть. Для них она всегда хранила что-то съедобное, припрятав от нас, если кто-то из нас находил и съедал, тому попадало, приговаривая: чем же я угощу, если появится кто-то из родных. В таком духе воспитывались мы все.

Я не помню, чтобы между родителями когда-нибудь были ссоры, как обычно бывают между супругами, единственное, иногда наша мама ворчала на нас, чаще всего она обращалась к отцу, чтобы повоспитывал кого-нибудь из нас за какие-то проказы, но этого не случалось с Евнеем, он же был на уровне деверя, т.к. воспитывался у нашей бабушки.

У нашего отца было неотступное желание учить детей и только в русских школах. В этом направлении он наставлял нас, и сам создавал все условия, чтобы практически осуществить, т.е. изыскивал возможность жить в русских селениях, где есть школы, в этом убедил и нашу маму, и всех родственников. Он умер в 1942 году в возрасте 58 лет, но его мечта сбылась с большой поддержкой мамы и бескорыстной помощью многих родственников. Все мы, дети Арстана, получили высшее образование. Не буду описывать об Евнее, книга, которую держишь в руках, посвящена только ему, он этого достиг своим талантом, трудолюбием, настойчивостью, добиваться исполнения задуманной цели. Этому он воспитывал нас, не только наставлениями, но и личным примером. Несмотря на небольшую разницу возраста, я считаю его своим воспитателем, а младшие братья тем более.

Мы с Евнеем учились с перерывами, он одним перерывом, это в период войны, у него был перерыв с 1941 по 1945 годы, когда он учительствовал, а остальное время, вплоть до окончания аспирантуры, он учился без перерыва, а у

меня обучение прошло по-другому. Окончив 7 классов в 1943 году, пришлось оставить школу, идти на заработки, что продолжилось до 1953 года, т.е. до завершения им аспирантуры, а его женой Зубайрой Дюсеновной институт, тогда только они мне дали свободу и возможность пойти учиться в техникум, взяв заботу о семье на себя, где я получил диплом техника-электрика, был направлен в Караганду, с перерывом в 12 лет в 1970 году получил диплом инженера-электрика. Младшие наши трое братьев обучались без перерывов по 15 лет, начиная с 1 класса до получения дипломов инженеров. В этом большая заслуга, конечно, Евнея. Характерно то, что мы все получили техническое образование. Жартас - инженер-гидрогеолог, кандидат геолого-минералогических наук, Шабдан - геофизик, они окончили Казахский горно-металлургический институт, а самый младший Еслямбек - горный инженер, окончил Карагандинский политехнический институт. Но этого нельзя сказать про внуков Арстана, они все учились и учатся, но почему-то большинство из них выбирают гуманитарные специальности.

Евней постоянно следил за нами, заботился о благополучии наших семей, воспитании наших детей и их учебой. Все это старался делать незаметно. Вот пример тому. На преддипломной сессии, обучаясь заочно в Казахском политехническом институте, я по одному из второстепенных предметов своевременно не мог получить зачет, к преподавателю заходил несколько раз, ответ один - "позанимайтесь". И вот однажды, идя по коридору учебного корпуса, встретил заведующего кафедрой этого предмета, он вежливо поздоровался и пригласил к себе на кафедру, попросил зачетку, молчком поставил зачет, пожелал дальнейших успехов, пожал мне руку по-дружески и проводил меня до двери. Это же чудо. Я долго не знал, откуда пришла помощь. Только после похорон Евнея об этом случае вспомнил и рассказал его лучший друг А. И. Перевертун, что в этот день Евней был в командировке в Алма-Ате, зашел в свой родной институт, расспросил про меня, узнав обо всем, и зашел к заведующему кафедрой, своему бывшему сослуживцу. Вспоминается еще один случай. Я работал управляющим ремонтно-строительным трестом и ездил на стареньком "Москвиче", так как трест только организовывался и всего не хватало, других не было. В один из рабочих дней позвонил тогдашний заведующий общим отделом облиспол-

кома К. Омаров и сообщил, что нашему тресту выделяется "Волга" из числа "БУ" передаваемых в хозяйства. Я поехал, выбрал, подремонтировали и стал ездить на этой машине, не зная, откуда пришла помощь. Опять-таки узнал намного позже, что Евней посетил тогдашнего председателя облисполкома С. К. Досмагамбетова и попросил его: нельзя ли найти возможность передать Камзабаю более солидную машину, тот, конечно, не оставил без внимания его просьбу. Видимо, так он заботился обо всех, ибо перечислять все его заботы просто невозможно.

Не в меньшей мере проявлял заботу обо всех родственниках и их детях.

Его образ и его деяния не забываются.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВЕЧНОСТИ

День 22 августа 1991 года. Четверг. К концу рабочего дня телефонный звонок принес радостную весть. Премьер-министр республики подписал постановление Кабинета Министров "О присвоении имени академика Академии наук Казахской ССР Е.А.Букетова Карагандинскому государственному университету". Этим документом увековечена память брата. Ранее были подобные документы, но этот документ самый главный. Впрочем, все по порядку.

15 декабря 1983 года мы проводили в последний путь самого старшего, самого высокого во всех отношениях из Арстановичей. Похоронили на смешанном кладбище города Караганды, смешанном, интернациональном, имеется в виду по национальностям захороненных. После этого много было посетителей с соболезнованиями в наших домах, кроме того, многие друзья, товарищи, приятели, его ученики по национальному обычаю приглашали в гости, т.е. разделяли наше великое горе. Мы в свою очередь устраивали поминки, включая годовщину.

На всех этих встречах все в один голос вспоминали Евнея добрым словом. Рассказывали о его человечности, скромности, отмечали его ученость во многих направлениях науки и техники, вспоминали, с каким уважением встречали его многие крупные ученые и писатели, поэты страны. Отмечали высокую образованность и культуру и т.д. При любых встречах знавших его людей говорили об этом. Для меня, вообще для семьи он же был всего-навсего брат, да и только.

Постепенно я стал убеждаться в том, что мой брат Евней был очень много сделавшим в жизни для окружающих, для региона, для республики и страны во многих направлениях науки, культуры и искусства, высокочтимым человеком.

Эти убеждения привели меня к тому, что я упорно, целенаправленно начал заниматься вопросами увековечивания его памяти. С первых же шагов встречал одобрение и поддержку. Правда, не все шло гладко, немало встречал негласных сопротивлений.

Советуясь со многими его соратниками, людьми, хорошо знавшими его, составил примерный план увековечивания памяти. Абсолютное большинство из его пунктов, благодаря новым влияниям времени в истории нашей страны, особенно республики, претворились в жизнь. А теперь все по порядку.

Первым пунктом в этом плане значилось сооружение надгробья. Хотелось соорудить его достойным его деяниям. Начал повнимательнее присматриваться к многим надгробьям, сооруженным в Караганде, поехал в Алма-Ату, провел дня два на кладбищах. Встречался с отдельными известными скульпторами, архитекторами, но желающих работать над задуманным не обнаружил, все они не отказывали, поддерживали, одобряли, в то же время не проявляли активности. Уже шел четвертый месяц после похорон, а соорудить надгробие мечтали к годовщине кончины. Время неумолимо летело. Переживания о бессилии увеличивались, так как хорошо знал причину безмолвия.

Всем известно, что он последние годы своей жизни был в опале. В один из дней первой половины марта 1984 года мне в кабинет позвонил известный в республике карагандинский скульптор Юрий Вильгельмович Гуммель, после приветствия, я был с ним хорошо знаком, особенно близко познал его, когда сооружали гранитный памятник В.И. Ленину в Караганде, я в то время возглавлял генеральную подрядную строительную организацию, попросился на прием, условившись о времени встречи. Стал размышлять, по какому же поводу идет ко мне, но в голову не приходила мысль, что ему можно доверить работу над созданием надгробного памятника любимому брату.

В условленное время пришел Юрий Вильгельмович, поговорив о том, о сем по житейским вопросам, он задал мне прямой вопрос, что я думаю по вопросу надгробия брату. Я подробно рассказал свои мечты. Следующий его вопрос касался, каким бы хотели видеть этот памятник. Я так же объяснил, тогда он говорит: "Может быть, мне доверите эту работу, я очень хорошо его знал и с любовью к нему относился". Я растерялся, не зная, что и ответить, ведь я же провел не одну бессонную ночь, думая, куда идти, к кому обратиться за помощью для решения этого вопроса, а он сам пришел. Собравшись с мыслями, молвил: "Автору грандиозного памятника вождю, как я могу не доверить надгробный памятник брату. Давайте, дорогой Юрий Вильгельмович, приступайте к эскизированию".

Дальнейшие подробности, видимо, читателю будут не интересны, но отдельные моменты все же опишу. Когда в гипсе несколько вариантов были слеплены, в мастерскую

скульптора привез Зубайру Дюсеновну, жену брата, которая выбрала один из макетов с небольшими дополнениями, после созвонился с известными учеными, общественными деятелями города, которые также одобрили тот же макет, что и моя сноха. Одновременно, работая над макетом, начали искать гранитный камень, желаемого в Караганде не оказалось, пришлось ехать в Алма-Ату. На Бурундайском карьере выбрали, перевезли на железнодорожной платформе вместе с подобным материалом горисполком. Таким образом к желаемому сроку сооружение было установлено. Получился приличный памятник, изображен сидящим, локтями упершись на книги, задумчивый вид, т.е. думающим думу. Расходы на сооружение распоряжением Совета Министров Казахской ССР были отнесены на бюджет республики, которое подписал Председатель Совмина Н.А.Назарбаев. Немалую материальную помощь оказал коллектив Химико-металлургического института АН Казахской ССР.

В тот период одновременно начали рассылать письма-обращения к официальным органам с предложениями, просьбами по увековечиванию памяти академика, лауреата Государственной премии, члена Союза писателей, профессора Е.А.Букетова. Обратились к Северо-Казахстанскому обкому партии, облисполкому, Сергеевскому и бывшему Целинному райкомам и райисполкомам той же области, т.е. на родину академика, также в местные органы власти. Но до 1987 года не получили никаких ответов, а на телефонные звонки - получал уклончивые, невразумительные ответы. Только летом 1987 года пришло известие, что в райцентре, т.е. Сергеевке одноименного района Северо-Казахстанской области одну из улиц, Солнечную, переименовали в улицу имени академика Е.А.Букетова, а позже, приехав на родину, поспешил на эту улицу, уже висели указатели, но улица оказалась очень коротенькой, где расположились всего десятка полтора домов и домиков, про себя подумал, слава Богу, хоть этот кусочек будет напоминать о моем любимом брате.

Встретившись с тогдашними руководителями района, я высказал свою неполную удовлетворенность. Они мне рассказали, из каких соображений именно эту улицу переименовали, а соображения были таковы. Эта улица тупиком упиралась в улицу, носящую имя В.И.Ленина, а на противоположной стороне этой улицы стоит трехэтажное здание школы, перебазируемое с бывшего районного центра

с.Марьевки перед его затоплением водохранилищем, где с 4-го по 10-й класс учился Евней, т.е. планировали присвоить его имя этой школе и образовать уголок знаменитого земляка в центре г.Сергеевки. В настоящее время так и не удалось. Постановлением Кабинета Министров Казахской ССР от 31 января 1991 года школа стала именоваться Средняя общеобразовательная школа № 2 имени академика Е.А.Букегова. Мы уверены, что оформленный уголок, каким хотели видеть руководители органов власти тех лет и общественность райцентра, претворится в жизнь и оформленный уголок с памятником-бюстом будет и символизировать примером служения народу грядущему поколению.

В том же, 1987 году, в г. Караганде на фасаде главного здания Химико-металлургического института, который он возглавлял более 12 лет, была установлена мемориальная доска с портретным изображением, также учрежденная распоряжением Совета Министров республики, подписанном Н.А. Назарбаевым, исполненной тем же скульптором Ю.В. Гуммелем. Как видите, дорогой читатель, справедливость восторжествовала. За торжество, которое не прекращая на протяжении этих лет, боролись многие известные общественные деятели республики, путем публикации своих воспоминаний и статей о моем брате в периодической печати республики и страны. Начиная только с 1987 года пресса начала публиковать воспоминания, до этого было гробовое молчание.

Первой в мае 1987 года появилась на страницах республиканской партийной газеты "Казахстанская правда" статья известного в республике писателя А.И. Брагина "И все-таки он победил", которая открыла занавес для публикации статей-воспоминаний и очерков о Евнее многих других авторов, как поэта Музафара Алимбаева, прозаика, народного писателя Сырбая Мауленова, известного ученого, общественного деятеля Ишанбая Каракулова, писателей Меду Сарсекеева и Жаика Бектурова и многих, многих других деятелей науки, культуры и искусства, а также его учеников и соратников. Несколько раз были организованы передачи по республиканскому и областному телевидению, где выступали академики республиканской академии З. Кабдолов, Ш. Есенов, З. Мулдахметов, члены-корреспонденты И. Каракулов, Ж. Абишев, писатель Ж. Бектуров и многие другие почитатели его таланта. Все они однозначно выражали пожелания увековечить память как крупного организатора

науки, писателя, переводчика, публициста, внесшего заметный вклад в популяризацию отечественной и зарубежной классики, активного общественника. Путем присвоения его имени Карагандинскому государственному университету, школе, где он получил среднее образование, совхозу, где родился, издать собрание сочинений научных и литературных трудов и т.д., создать дом-музей в г. Караганде.

Идя навстречу этим пожеланиям трудовых коллективов, научной и творческой интеллигенции, а также коллектива Карагандинского госуниверситета, в феврале 1990 года исполком Карагандинского областного Совета народных депутатов ходатайствовал перед Советом Министров Казахской ССР о присвоении имени академика Букетова Е.А. Карагандинскому государственному университету. Этот акт нашел поддержку в президиуме Академии наук Казахской ССР. Однако в Правительстве республики этот вопрос рассматривался более года. Только после обращения непосредственно к президенту Н.А. Назарбаеву в августе т.г. нашел положительное решение, т.е. с 16 августа 1991 г. Карагандинский госуниверситет стал именоваться Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова, кроме того, вторым пунктом указанного постановления Кабинета Министров Казахской ССР, подписанным бывшим Премьер-Министром У. Карамановым, определено установить мемориальную доску на доме в г. Алма-Ате по ул. Фурманова, 118, где Евней жил в 1950-56 гг. Уверены, что Алма-Атинский горисполком найдет возможность и в недалеком будущем установит доску.

Это постановление правительства явилось как бы кульминационным моментом в деле увековечивания памяти академика Евнея Арстановича Букетова. 2 сентября 1991 года во Дворце студентов университета было проведено торжественное собрание профессорско-преподавательского состава, студентов и общественности города, посвященное присвоению имени брата университету, где с информацией выступил ректор университета, профессор Ж.С. Акылбаев, воспоминаниями поделились доктора наук, профессора Т. Абдразаков, Клещева и др., а также редактор областной газеты "Орталык Казахстан", немало труда вложивший в дело пропаганды деяния Е.А. Букетова Н. Оразбеков, принимала участие и выступила с поздравлениями заместитель председателя облисполкома Р.К. Омарбекова.

Как видно из приведенных фактов, что все вопросы по ускорению памяти начали двигаться и находить положительные решения только после перехода страны и республики от застойного времени к гласности и демократии т.е. за последние пять лет.

Все вышеприведенные вопросы, как нам известно, положительно решались при непосредственном участии нашего президента Нурсултана Абишевича Назарбаева, мы ему благодарны за справедливость и человечность.

В упомянутом решении Карагандинского облисполкома вторым пунктом поручалось соответствующим компетентным органам создать дом-музей академика Букетова в Караганде, за исполнение которого никто активно не принимался. Трудности были с помещением. Эту проблему решил Совет университета, приняв решение о выделении под музей бывшего кабинета ректора, где Евгений проработал более восьми лет, приемную, комнату отдыха и зал заседаний ученого Совета. Музей размещен в первом здании университета, построенном в год образования университета, по ул. Гоголя, 38.

Музей был создан в течение нескольких месяцев при активном участии коллективов всех факультетов университета и Химико-металлургического института НАН РК. С тех пор все совершенствовалось, обновлялось, пополнялось экспонатами и в настоящее время превратилось в солидное учреждение культуры. Не прекращаются посещения музея экскурсантами на всех уровнях - от крупнейших деятелей науки, культуры и искусства до учеников общеобразовательных школ, которые оставляют немало лестных отзывов и пожеланий в книге записей посетителей.

Работы по совершенствованию и пополнению экспонатами не прекращаются.

Все эти годы параллельно не прекращали заниматься и подготовкой к изданию его литературного наследия, которых набралось пять книг, из них четыре его сочинения и одна - поэтические переводы Шекспира, Маяковского, Есенина и других классиков. Была создана комиссия при Союзе писателей Казахстана по подготовке этих трудов к изданию, под председательством академика З. Кабдолова, в неё вошли виднейшие писатели и поэты республики. Комиссия подготовила все его труды к изданию и четыре из них сданы в издательства, но только одна увидела свет в 1989 году, имею в виду его биографическую повесть "Шесть писем другу".

Все мои и других товарищей попытки в течение более трех лет до 1987 года были безрезультатны, с кем бы ни встречались по этому вопросу, все дружелюбно принимали и так же хорошо провожали, пообещав рассмотреть затронутый вопрос и оказать содействие в его решении и на этом заканчивались. Весной 1987 года позвонил известный писатель Медеу Сарсекеев из Семипалатинска, с которым я поддерживал постоянно связь, и передал привет и просьбу директора республиканского издательства "Жалын" Сейдахмета Бердыкулова, который просил привезти или выслать ему, что есть более-менее готовое или же подготовить к изданию из литературного наследия брата.

По правде говоря, я С. Бердыкулова знал только заочно как редактора молодежной газеты "Лениншил Жас" и писателя, пишущего на молодежные темы. С одной стороны, мне было очень радостно, что открывается дверь к заветной цели - изданию литературного наследия брата, за которое я серьезно переживал, с другой - удивление, что малознакомый товарищ сам проявляет заботу. Несмотря на все это - радости не было предела. Как мне не радоваться, ведь этот его труд был написан и на казахском, и на русском языках, первый был сдан в издательство "Жалын" и в 1978 году был подготовлен к изданию, находился в наборе, вернее, больше половины набран. Видимо, узнав об этом, высокие чины того времени вынудили руководство издательства снять с производства. И был возвращен автору сопроводительным письмом от 11 августа 1981 года, которое гласило: "Уважаемый Евней Арстанович! Возвращаем рукопись вашей книги оба экземпляра, согласно договоренности по телефону. Подпись - зав. отделом. Второй точно так же из другого издательства, другая книга и дата от 3 августа 1981 г., т.е. выходит одновременно.

Получив обе книги, Евней еще раз пересмотрел, внес отдельные коррективы, изменения и добавления и в начале 1982 г. положил в дальний ящик до лучших времен, а сам продолжил работу над биографической повестью о К.И. Сатпаеве.

После звонка из Семипалатинска на третий день с одним, притом не первым, экземпляром машинописи названной книги без особой надежды на успех появился у директора издательства "Жалын".

Когда, попросив разрешения, вошел в кабинет, из-за стола поднялся плотный, средних лет мужчина, выше сред-

него роста, вышел навстречу, поздоровался обеими руками попросил сесть на стоящий стул у приставного столика и по обычаю начал расспрашивать обо всех родных и близких, делая особый упор на семью Евнея. После короткой паузы спросил, что привезли? Я из портфеля извлек голубую, довольно толстую папку с машинописью и подал ему. Хозяин кабинета, бегом полистав, указал пальцем на чистую, внутреннюю сторону корки, попросил написать разборчиво мои реквизиты, имя, отчество, домашний адрес и телефона, чтобы в случае надобности найти. На прощание заявил, что труды Евнея-ага будем издавать, что он уважаем всеми, кто его знал, снискал это своей человечностью и незаурядным талантом.

Прощался я с ним вроде бы тепло, но в душе с недоверием. Мне было очень стыдно перед этим добрым, чисто сердечным человеком за свою наивность, когда позднее убедился, что книга будет издана. В трудах и заботах летело время незаметно, через каких-то 1,5-2 месяца позвонила из издательства женщина, представилась - Кулимхан Хасенова, является редактором рукописи книги Евнея Букетова "Шесть писем другу", уточнила некоторые вопросы, передала номер своего телефона, осведомилась, есть ли первый экземпляр, я ответил отрицательно. При этом еще мало верил в успех издания, только когда мне передали, что разыскивает меня художник-оформитель книги, появился какой-то проблеск надежды, что книга увидит свет и окажется в руках у читателя. Да, оказалась, спустя одиннадцать лет после первого набора и 5,5 года после кончины автора.

Вот я держу в руках отлично оформленную, отпечатанную на высококачественной бумаге книгу - сигнальный экземпляр, которую привез из Алма-Аты земляк, высокочтимый наш Малик-ага Имашев - почитатель таланта моего брата. Перед глазами промелькнула история издания этой драгоценной для нашей семьи книги, думаю, не ошибусь, если скажу: "Для учеников, соратников, да и всех знавших его людей". Большинству известно о том, что последние годы при жизни никакие труды в республике не публиковались, как выше упомянуто, продолжалось это и после его кончины, вплоть до середины 1987 года.

В свое время, после того, как книга попала к массовому читателю, республиканская и областные газеты опубликовали несколько рецензий с очень теплыми положительными

отзывами, где особо подчеркивалась полезность книги для воспитания молодежи.

Мы искренне благодарны директору издательства "Жалын", дорогому Сейдаха и руководимому им коллективу, который доставил нам великую радость.

Но иной судьбы оказались его другие книги, некоторые из них до настоящего времени покоятся на полках издательства. Из "Казахстана" вернули книгу под рабочим названием "Дорога к истине" - о Чокане Валиханове и академике К.И. Сатпаеве. В издательстве "Жазушы" до сих пор покоится сборник статей и очерков на двух языках "Сокровищенное" - "Кокейкесті". В "Жалын" долгие годы покоился "Алты хат", причина одна - отсутствие средств.

В конце 1991 года опять телефонный звонок принес радость. Звонит моя дорогая женеше Зубайра Дюсеновна и говорит: Издательство "Жалын" прислало два экземпляра договора на издание книги "Алты хат", находящейся у них с 1988 года. Опять же проявил инициативу и изыскал возможность Сейдаха Бердыкулов - спасибо ему. Но этому договору не суждено было сбыться, в середине того же года, высокочтимый Сейдаха ушел в мир иной. И снова эту книгу сняли с выпуска.

Эта книга увидела свет и попала в руки читателей только в 1996 году, изданная во исполнение постановления Кабинета Министров РК.

Кроме того, в местном издательстве "Полиграфия" при активной поддержке его генерального директора Кайыргая Матановича Дарданбаева и спонсорской помощи фирмы "Арман" из Владивостока во главе с директором Бауржаном Бельбаевым издали литературные труды Евнея Арстановича о Ч. Валиханове и о К.И. Сатпаеве, написанные к его 80-летию, и очерк "Нефть, уголь и вода в химии и энергетике". Известный поэт Какимбек Салыков издал "Реквием Евнею Букетову" на казахском и русском языках. Все эти издания были приурочены к 70-летию Е.А. Букетова.

В 1996 году земляки северо-казахстанцы издали воспоминания современников - "Имя его незыблемо", где своими воспоминаниями поделились его школьные товарищи, друзья, сотрудники по школам периода Отечественной войны и многие другие встречавшиеся с ним и знавшие его. В том же году имя Евнея Арстановича присвоили областной научно-технической библиотеке и в том же здании организовали музейный уголок, инициатором которого явился

земляк, отличник просвещения Галим Кадуралин. Эту инициативу в настоящее время подготовлены воспоминания современников, более шестидесяти авторов, каждая отделана на двух языках.

Видимо, работа по увековечиванию светлой памяти моего любимого брата будет продолжаться до конца моей жизни или пока мои руки будут способны держать ручку и не замолкнет язык.

Апрель 1997 г.

О СОСТАВЕ ЮБИЛЕЙНОЙ КОМИССИИ

Председатель: Есимов Ахметжан Смагулович - заместитель премьер-министра РК.

Заместители: Нефедов Петр Петрович - глава Карагандинской областной администрации.

Гартман Владимир Карлович - глава Северо-Казахстанской областной администрации.

Члены: Абдиков Толен - советник Президента РК.

Ашляев Серик Сапыжанович - заведующий отделом культуры Кабинета Министров РК.

Бекетова Лейля Калибековна - президент корпорации телевидения и радио РК.

Букетов Камзабай Арстанович - директор музея Е. А. Букетова.

Мамашев Талгат Асылевич - министр культуры РК.

Мамбетказиев Ережеп Альхаирович - министр образования РК.

Мулдахметов Зейнолла Мулдахметович - председатель Центрально-Казахстанского отделения НАН РК.

Павлов Александр Сергеевич - министр Финансов РК.

Сагадиев Кенжегали Абенович - Президент Национальной Академии наук РК.

Сарсенбаев Алтынбек Сарсенбаевич - министр печати и массовой информации РК.

Симамбаев Таспай Кобашевич - глава Сергеевской районной администрации СКО.

КРАТКО ОБ АВТОРАХ

Корпич Елизавета Гордеевна - журналист, бывший партийный работник. Живет в Ленинском районе Северо-Казахстанской области. Публикуется впервые.

Белетченко Иван Савельевич - кандидат исторических наук, доцент. Живет в Петропавловске. Публикуется впервые.

Кузнецов Василий Дмитриевич - директор Сергеевского районного историко-краеведческого музея. Живет в Сергеевке Северо-Казахстанской области. Публикуется впервые.

Трофимов Иван Антонович - пенсионер, бывший первый директор Марьевской школы, впоследствии - заведующий рпо. Живет в Кокчетаве. Публикуется впервые.

Ташенов Жумабек Ахметович - кандидат экономических наук, бывший председатель Совета Министров республики. Жил в Чимкенте. Публикуется впервые.

Худяков Иван Федорович - доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники России. Жил в Свердловске.

Белоусов Виктор Васильевич - бывший главный инспектор Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик при Президиуме АН СССР, куратор АН Казахстана. Живет в Москве.

Ильина Лидия Федоровна - кандидат физико-математических наук, доцент. Живет в Караганде.

Мальшев Виталий Павлович - доктор технических наук, профессор. Автор книги "Поступью командора и пророка". Живет в Караганде. Статья специально написана для этого сборника.

Набойченко Станислав Сергеевич - доктор технических наук, профессор, ректор Уральского политехнического института. Живет в Екатеринбурге.

Никитин Сергей Исакович - журналист, писатель. Автор книги "Сарыарка-золотая планета". Жил в Москве. Статья публиковалась в "Правде" 20 октября 1974 г.

Новокшинов Павел Андреевич - журналист, собственный корреспондент всесоюзной газеты "Известия". Живет в Крыму. Статья публиковалась в "Индустриальной Караганде".

Башев Абдуали - доктор химических наук, профессор, декан Туркестанского международного университета. Живет в Кентау.

Байсанов Сайлаубек Омарович - кандидат технических наук, заведующий лабораторией Химико-металлургического института. Живет в Караганде.

Перевертун Алексей Иванович - кандидат физико-математических наук, доцент, жил в Алматы. Публикуется впервые.

Угорец Марк Залманович - доктор химических наук, профессор. Живет в Израиле.

Бреннер Владимир Александрович - доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. Живет в Туле.

Черногодовина Галина Васильевна - писательница. Автор книг "Лодка в протоке", "Свеча за красным стеклом", "Земля потомков" и других. Живет в Алматы.

Брагин Алексей Иванович - журналист, писатель. Автор книг "Черты героев", "Прадеды и правнуки", "Первый академик" и другие. Жил в Алматы. Очерк публиковался в газете "Казахстанская правда" 19 июля 1987 года.

Амерханова Шамшия - кандидат химических наук, преподаватель Карагандинского университета. Живет в Караганде.

Пашинкин Андрей Сергеевич - доктор химических наук, профессор. Живет в Москве. Статья публикуется впервые.

Могильницкий Валерий Михайлович - журналист, писатель. Автор книг "Сарыарка", "На земле Сатпаева", "Созвездие талантов", "Город в степи", "Свет окна", "Строки любви" и других. Живет в Караганде. Очерк о Букетове публиковался в газете "Казахстанская правда" 9 августа 1991 г.

Карлинский Владлен Миронович - доктор медицинских наук, профессор. Живет в Израиле. Статья публикуется впервые.

Букетов Камзабай Арстанович - брат академика, инженер-электрик, заслуженный работник службы быта Казахской ССР. Автор книги "Друг мой, брат мой". Живет в Караганде. Очерки публикуются впервые.

СОДЕРЖАНИЕ

Елизавета Корпич. Сын маленького аула	4
Иван Белетченко. Начало пути	6
Василий Кузнецов. Что написано, бессмертно	8
Иван Трофимов. Его книги продолжают сражаться	10
Жумабек Ташенов. Это был человек высочайшей культуры, ясного ума	12
Иван Худяков. Незабываемые встречи	12
Виктор Белоусов. Я его никогда не забуду	17
Лидия Ильина. Жизнь ради жизни других	21
Виталий Малышев. Устремленный в будущее	25
Станислав Набойченко. Самородок, мыслитель, труженик	32
Сергей Никитин. Простор	38
Павел Новокшионов. Слово о друге	47
Абдуали Баешев. Наш наставник - лидер электрохимии	49
Сайлаубек Байсанов. В научном поиске	52
Алексей Перевертун. Я счастлив, что знал Букетова	57
Марк Угорец. Евней Арстанович и халькогены	60
Владимир Бреннер. Таким он был, таким остался в сердцах людей	65
Галина Черноголовина. Чуткое понимание стихов	70
Алексей Брагин. И все-таки он победил	71
Шамшия Амерханова. Учитель искренней доброты	77
Андрей Пашинкин. Академик и писатель	79
Валерий Могильницкий. О Букетове и не только о нем	83
Болат Байтанаев. Память о нем жива	94
Владлен Карлинский. Таких людей надо беречь	97
Камзабай Букетов. Наша семья	99
Прикосновение к вечности	103
О составе юбилейной комиссии	113
Кратко об авторах	114

СПОНСОРЫ ИЗДАНИЯ:

Акционерное общество "Карагандаресурсы" (генеральный директор М.Ж. Ахмеров)

Институт "Фитохимии" МН и АН Республики Казахстан (директор, профессор С.М. Адекенов)

**Сдано в набор 23.05.1997 г. Подписано к печати 7.07.1997 г.
Формат 60x84 1/16. Офсетная печать. Объем 7 п.л. Тираж 1000.
Заказ № 1185. Цена договорная.
Отпечатано в ТОО "АРКО". г. Караганда, ул. Ленина, 2.**